

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

Я ОТВЕРНУЛАСЬ

ДЖЕЙН КОРРИ

Джейн Корри

Я отвернулась

Серия «Психологический триллер (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64654321

*Я отвернулась : [роман] / Джейн Корри ; [перевод с английского А.
Воронцов]: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-122677-0*

Аннотация

Иногда всё решают мгновения.

Сорокадевятiletняя Элли лишь на миг отвернулась от обожаемого внука Джоша, сосредоточившись на телефонном разговоре мужа (а у нее были основания так поступить).

И... жизнь раскололась на «до» и «после».

И ничего уже нельзя было изменить: в пруду плавала детская футболка – алая, точно кровь.

Трагический несчастный случай?

Однако полиция так не считает. Элли обвиняется в убийстве, в том числе на основании фактов из прошлого, которые она много лет скрывала от всех.

Но виновна ли Элли? Кто она: хладнокровная преступница или несчастная жертва?

И что в действительности произошло тем ужасным днем, когда счет шел на секунды?

Содержание

Пролог	7
Часть первая	28
Глава 1	29
Глава 2	40
Глава 3	52
Глава 4	67
Глава 5	73
Глава 6	83
Глава 7	92
Глава 8	104
Глава 9	114
Глава 10	123
Глава 11	126
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Джейн Корри Я отвернулась

*Памяти моей мамы: самой сердечной, самой
доброй бабушки из всех.*

*А также моему мужу, детям и внукам – и моей
веселой озорной компании подруг, недавно ставших
бабушками.*

*И наконец, мои крепкие объятия Дорис – нашей
горячо любимой бабушке, которая жила с нами все
те годы. Нам с сестрой приходилось называть ее
по имени, так как она считала, что обращение
«бабушка» ее старит!*

Серия «Психологический триллер»

Jane Corry

I LOOKED AWAY

Original English language edition first published by Penguin
Books Ltd, London

Перевод с английского А. Воронцова

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения Penguin Books Ltd. и литератур-
ного агентства Andrew Nurnberg.

© *Jane Corry, 1982*

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Не стоит спешить.

Но, замешкавшись, я стану движущейся мишенью.

Каждой клеткой тела я боюсь внезапно почувствовать чью-то руку на плече. Рывок за запястье.

Машины проезжают мимо. Слишком близко к обочине и медленно, словно сверяясь с дорожными знаками. Я застываю в ужасе. Вдруг они кого-то ищут?

Иду дальше. Сажусь на мокрый асфальт.

«Пожалуйста, помогите! – молю. – Дайте поесть!»

Возможно, мой живот ненадолго наполнится. Но что дальше?

Вы бросите меня на улице?

Бен Вествуд, поэт и автор книги «Стихи беглеца».

ДЕЙЛИ ТЕЛЕГРАФ РЕБЕНОК ПОГИБ В РЕЗУЛЬТАТЕ «ТРАГИЧЕСКОГО ПРОИСШЕСТВИЯ»

Маленький мальчик погиб в «трагическом происшествии», как описывает это полиция.

Никаких подробностей пока не сообщается.

Пролог

Элли

Оксфордшир

Суббота семнадцатого августа две тысячи девятнадцатого года. Дата, которая навсегда высечена у меня на сердце, хотя я и не знаю времени с точностью до минуты. Сейчас это просто знойный летний день, как и предсказали синоптики. У нас с Роджером впереди вся оставшаяся жизнь. Так сказала семейный консультант, когда мы выходили из ее кабинета. Вы согласились позволить себе начать все заново. С чистого листа. Не оглядывайтесь назад.

Я и пытаюсь следовать ее совету, но не могу не обращать внимания на невидимый шрам, который всегда со мной. Постоянная ноющая боль внутри.

«Занять себя чем-то» помогает. Вот почему я шагаю в город в новых бирюзовых босоножках с золотистой отделкой – они мне нравятся – чтобы купить любимый «волшебный» увлажняющий крем. Я не пытаюсь состязаться с сетевым сообществом «Гламурные бабушки», но получаю настоящее удовольствие, когда люди удивляются: «Что? У вас четырехлетний внук? Вы выглядите слишком молодо для этого». В свои сорок девять я наконец-то чувствую себя комфортно по сравнению с тем временем, когда была неуклюжим подрост-

ком. Теперь у меня есть семья и собственные интересы, а также волонтерская работа при тюрьме. Это не дает бездельничать. Помогает отвлечься от прошлого.

– «Большая проблема», свежий номер! – зазывает покупателей женщина, сидящая на тротуаре у магазина «Бутс»¹. Голосом, исполненным надежды, но без просящей интонации, свойственной прочим бездомным, встречающимся в округе. Я регулярно покупаю у нее журналы, несмотря на то что она иногда кажется грубоватой, хотя на самом деле довольно мила.

Она появилась на нашей главной улице года полтора назад в своих фиолетовых «хипстерских» штанах (того фасона, что пузываются по бокам и сужаются к лодыжкам), с татуированными на шее серебряными и золотыми звездами, в мешковатой темно-синей ветровке, с серьгами-затычками, бритой головой и обветренным лицом, на котором читалось от сорока и больше лет. Увидев ее несколько раз, я стала оставлять ей на еду немного лишних денег, которые она быстро прятала в один из объемистых карманов. «Пасиб», – всегда коротко благодарила женщина. Потом потирала ладони одна о другую, словно счищала с них невидимую грязь, оставшуюся после денег. Еще у нее была привычка тихонько напевать, хотя разобрать мелодию удавалось с трудом.

¹ «Бутс» – ведущая британская сеть магазинов фармацевтики, а также товаров для здоровья и красоты. (Здесь и далее прим. перев.)

Однажды я спросила, давно ли она бездомная. «Время от времени», – ответила она неопределенно. Это положило начало коротким беседам, которые мы вели всякий раз, когда я покупала журнал. Однажды она даже рассказала, что ее зовут Джо (хотя произнесла она это, заставив меня заподозрить, что при рождении ей дали другое имя) и что она «не заморачивалась учебой» в детстве. («Но имейте в виду, я очень много читала в тюрьме», – добавила она.) Я задумалась: интересно, за что она сидела, но не стала спрашивать. В другой раз мы с увлечением поспорили, способны ли новые правительственные инициативы по борьбе с бродяжничеством действительно помочь людям на улицах.

Когда погода портилась, я беспокоилась о ней и даже пыталась подыскать место для ночлега – хотя из этого ничего не вышло. Возможно, я приняла ее чересчур близко к сердцу, но такова уж моя натура – помогать. Плохо, что в наши дни все еще существуют люди без еды и крыши над головой. Но несколько месяцев назад, когда старые подозрения насчет Роджера вновь обрели почву, я увидела, как вдрызг пьяная Джо шатаясь выходит из паба. Меня не расстроила пустая трата моих денег, скорее обидела мысль, что меня водят за нос. И конечно, я не одобряю алкоголь. Не с моим прошлым.

С тех пор, признаться, я стараюсь ее избегать – иногда перехожу на другую сторону улицы и притворяюсь, что не замечаю Джо. Но именно сегодняшним знойным августовским утром я почему-то чувствую, что надо остановиться.

– Спасибо, – говорит она, глядя в свою грязную ладонь. Это точная сумма за журнал. От ее разочарования мне становится неловко. Есть в этой тощей бритоголовой женщине с квадратной челюстью что-то придающее ей одновременно и уязвимый, и суровый вид. Я ловлю себя на том, что лезу в сумку за дополнительными деньгами.

А потом я вижу ее. Кэрол.

Какое-то мгновение стою, замерев на месте и вглядываясь в женщину, чуть не разрушившую мою семью. Я не из тех, кто много ругается, но с удовольствием прокляла бы эти стройные загорелые ноги в тонких колготках и кремовых туфлях на шпильках, бесстыже выставленные напоказ. Короткое платье с пояском (гораздо более стильное, чем мои летние джинсы) подчеркивает тонкую талию так, что я удивляюсь: ест ли эта женщина вообще. Сама я могу набрать четыре фунта, просто посмотрев на шоколадный батончик.

Я отмечаю, что руки Кэрол обнажены – она моложе меня и ей нет необходимости прикрывать некоторую дряблость, подкравшуюся ко мне несколько лет назад, ближе к сорока пяти. У моей соперницы длинные темные волосы (вьющиеся, а не безжизненно-прямые и мышиного цвета, как мои), которые якобы естественным образом струятся ниже плеч, но я точно знаю, что каждую среду она делает горячую укладку. Одна моя подруга ходит в ту же парикмахерскую. Наш средних размеров дремотный оксфордширский городок – всего двадцать минут неспешной ходьбы до цен-

тра – того сорта, где все всё обо всех знают. Господи, вот бы никогда не видеть этого места. Или эту женщину.

Кэрол идет вдоль главной улицы прямо ко мне, уверенным шагом, темно-синяя сумочка болтается на плече. Темные солнцезащитные очки вздернуты на макушку, скорее с целью продемонстрировать дизайнерский бренд, нежели с какой-либо практической. На губах яркая кораллово-оранжевая помада. Того же оттенка, что я нашла на рубашке Роджера сразу после Рождества. «Он мой!» – словно прокричало мне это пятно.

Сама я предпочитаю безопасные спокойные оттенки. Либо полупрозрачный блеск для губ, либо – в особых случаях – бледно-персиковый. Только вот что толку с этой «безопасности»?

От одного вида этой женщины у меня подкашиваются колени. Я взмахиваю руками, чтобы удержаться на ногах, и роняю сумку. Монеты звенят по тротуару. Что она здесь делает? В последний раз, когда я проходила мимо симпатичного кирпично-каменного коттеджа с жимолостью вокруг двери, там висела табличка «Продано». Роджер поклялся, что Кэрол вернулась в Лондон. Однако вот она – идет прямо на меня.

«Это помада Кэрол, – признался муж, когда я приперла его к стенке, размахивая рубашкой. – Прости, Элли. У нас с ней всё по-настоящему. Мы уже внесли депозит за совместное жилье в Клэпхеме. – Он застонал, будто от боли. – Дело

в том, что я люблю ее».

Нет! Он не может так поступить! Я не допущу этого! Конечно, у Роджера и раньше случались интрижки, но он никогда не употреблял в связи с ними слово «любовь». Оно принадлежит только нам! Нашей семье.

Я схватила его за лацканы, притягивая к себе. Муж по-прежнему носил коричневые твидовые пиджаки даже дома, как во времена, когда читал лекции.

«Как ты можешь пускать псу под хвост двадцать восемь лет брака? – рыдала я. – Я думала, что мы состаримся вместе! А как же дети?»

«Ради всего святого, не надо, Элли, – ответил он, отстраняя меня, словно не мог вынести моего прикосновения. – Дети уже взрослые».

Но детям в любом возрасте нужны оба родителя. Кому, как не мне, это знать?

Страх сменился гневом. «А как же тогда Джош? – выпалила я. – Ты что, действительно хочешь, чтобы мы сказали ему, что дедушка бросил нас ради другой женщины? Что он подумает о тебе, когда вырастет?»

Роджер пожал плечами. «Для него я никуда не денусь. Кэрол любит детей. Всегда их хотела. Она не станет возражать, если он будет приезжать на выходные».

«Ты не можешь так поступать! Я не позволю!»

Он отступил еще на шаг, глядя на меня как на чужую. «Давай посмотрим правде в глаза, Элли. С тех пор как я узнал,

что ты сделала, просто не могу смотреть на тебя как раньше. И мы не настолько старые, чтобы не начать все заново. В общем... – Казалось, он колеблется. – Я хочу развестись».

Оставалось только одно. Много лет назад я пообещала, что больше так не буду. Но старые привычки неискоренимы. На удачу, кухонные ножницы оказались под рукой.

«Господи, Элли! – закричал он, хватая кухонное полотенце, чтобы зажать кровоточащую рану на моем запястье. – Что ты творишь?»

Мне внезапно почудился голос мачехи.

«Да что с тобой не так, Элли?»

Я не могу вспоминать об этом без содрогания.

После того как меня зашили в Рэдклиффе, Роджер сказал (с тоскливым выражением на лице), что он поразмыслил и, возможно, я права. Он не может рушить нашу семью. Он останется. Будет ходить в семейную консультацию, если я твердо пообещаю никогда больше не причинять себе вреда. Он уже поговорил с Кэрол, и она «приняла это».

– Ага, вот вы куда закатились!

Голос продавщицы газет ворвался в воспоминания, возвращая меня в настоящее. Она сидит на корточках возле моих ног, собирая разбросанные по тротуару монеты. – Вот, все здесь! Не сомневайтесь!

Смутившись, я наклоняюсь и протягиваю руку, чтобы принять от нее горсть мелочи. Потом замечаю краем глаза кремовые туфельки. Ощущаю навязчивый тошнотворный

аромат духов. Над ухом раздается голос Кэрол. Достаточно тихий, чтобы только я могла его слышать. У нее тоненький тембр маленькой девочки – из тех, что так раздражают взрослых женщин и на которые, однако, постоянно западают некоторые мужчины.

– Я думаю, вы должны знать, что мы все равно встречаемся, – шипит она.

Сердце колотится, когда я поднимаю на нее взгляд.

– Роджер хочет, чтобы его семьей была я! Кстати, вашему внуку понравился новый домик для игр?

Откуда она об этом узнала? Роджер купил его в подарок Джошу и установил в нашем саду. Должно быть, муж виделся с Кэрол, не сказав об этом мне, и упомянул домик в разговоре. У меня пересыхает во рту. А может, она стояла рядом, когда муж его выбирал?

Меня тошнит от этой мысли. Вдруг персонал магазина подумал, что это она настоящая бабушка моего внука.

– Оставьте меня в покое! Вы лжете! – говорю я дрогнувшим голосом.

Она наклоняет голову набок, словно изучает меня.

– Да неужели? А я слышала, что именно вы занимаетесь этим всю жизнь. Кое-кто считает, что вам нельзя доверять детей...

Неужели Роджер предал меня? Или она узнала от кого-то другого? Возможно, видела где-то мое имя. Сохранились записи. Что делать, если все откроется?

– Как вы смеете... – пытаюсь я сказать, но слова застревают в горле. Прежде чем мне удастся их выдать, Кэрол исчезает на главной улице, растворившись в толпе покупателей с шикарными сумками.

– Я вернулась! – кричу я. Все еще дрожащими руками забираю за собой дверь и аккуратно кладу ключи в сине-белую чашу веджвудского фарфора на столике в прихожей, рядом со связкой Роджера, к которой прицеплен брелок «Дедушка» – подарок от дочери на прошлое Рождество. Мы стали чрезвычайно щепетильны в вопросах безопасности, когда в прошлом году по нашему району прокатилась волна грабежей со взломом, а на соседа даже напали. Однако сейчас меня больше тревожит встреча с Кэрол.

Кое-как мне удастся заставить голос звучать нормально. Но во рту все пересохло от страха. Я иду к холодильнику, чтобы налить стакан «бузины сердечной» – травяного чая, который делаю сама каждое лето из растений в нашем саду. Богатые травами клумбы и обширные лужайки – одна из причин, по которой мы купили этот дом на окраине, прекрасный особняк времен королевы Анны, с бледно-лимонными наружными стенами, скользящими рамами и изящными дымоходами. Здесь есть и несколько деревьев, под которыми я посадила маки и незабудки в память о маме.

Вы никогда не повзрослеете достаточно, чтобы перестать нуждаться в матери. Даже спустя столько лет я по-прежнему

вижу мысленным взором ее милое, заботливое, доброе лицо и ощущаю аромат роз от нежной кожи. До сих пор чувствую прикосновение ее щеки к своей. В ранних воспоминаниях я сижу рядом с ней на корточках в ее любимом саду, а она пропалывает клумбы, пока не устанет и не присядет рядом отдохнуть. Я гуляю с ней по проселочным дорогам. Это она научила меня названиям всех полевых цветов и кустарников. Мы собирали их и сушили между страниц детской энциклопедии «Британника», а потом доставали и делали гербарий, подписывали каждую страницу, сверяясь с моей изрядно потрепанной книгой о дикорастущих растениях.

Больше всего мама любила незабудки. Моим же фаворитом была коровья петрушка, также известная как «кружево королевы Анны». Однажды я тронула пальцами нежный белый цветок и расплакалась, когда он распался в моих руках на лепестки. «Все в порядке, – сказала мама. – Здесь полно других, которые можно собрать». Это одно из немногих сохранившихся у меня воспоминаний о детстве, так что я цепко держусь за него и боюсь потерять. Как бы она любила своих внуков! Наверняка обожала бы Джоша...

– Я выйду через несколько минут! – отзывается Роджер из кабинета.

Радио надрывается на кухне, советуя, как правильно готовить идеальное сырное суфле. Я всегда оставляю радио включенным, даже когда выхожу из дома. Его бормотание успокаивает, за исключением новостей, из-за которых я сра-

зу перехожу на другой канал. Мне и без них хватает волнений.

Над двойной керамической раковиной я мою руки любимым лавандовым мылом и ставлю чайник на плиту. А мысли все крутятся в голове. Говорить ли Роджеру, что я видела Кэрол в центре – хотя он и уверял, что она переехала? Ужасно хочется сказать. Но в семейной консультации советовали не выдвигать никаких обвинений. Нужно вести себя, как будто я доверяю мужу. Я даже притворилась обрадованной, когда он в прошлом месяце ни с того ни с сего подарил мне серебряный браслет. Неужели он и вправду решил, что подарок может искупить грехи?

«Папа вел себя отвратительно, но он раскаивается, – заявила дочь, когда все выплыло наружу. – Неужели ты не можешь его простить? Я не хочу быть девочкой из семьи, в которой родители не разговаривают. Мои подруги постоянно твердят, что мы счастливые. И Джош так сильно любит вас обоих».

Джош! Вот истинная причина моего терпения. Я не могу поверить, что моему единственному внуку уже четыре года – даже почти пять. Теперь невозможно представить жизнь без него. «Буля!» – возбужденно кричит он, когда приходит в гости. Обычно он зовет меня так, потому что ленится варить «бабуля», и это прозвище ко мне прилипло. Официально «день Джоша» – понедельник, тогда я присматриваю за ним, пока дочь работает. А просто так я вижу своего

драгоценного внука каждый день. И только попробуйте мне запретить! С той самой минуты, как впервые взяла его на руки, — я словно таю. Такой сильный прилив чувств даже меня удивил. Это было — осмелюсь заметить — даже сильнее любви к собственным только что родившимся детям. Как такое могло случиться?

Когда Джош стал постарше, я еще больше опьянела от счастья. В мире нет ничего дороже его слюнявых детских поцелуев; мягких, пухлых, теплых рук вокруг моей шеи; радостного изумления на его лице, когда мы дуем на одуванчики или протаптываем дорожку в снегу; его невероятной серьезности, когда он произносит сложенные из кубиков слова (М... А... М... А...) или помогает печь хрустящие шоколадные пирожные, стоя на своем специальном маленьком табурете в нашей кухне.

Но любимое развлечение Джоша — стоящая теперь на туалетном столике швейцарская музыкальная шкатулка, подаренная мне мамой. После ее смерти эта вещь утешала меня, давая ощущение, что мама по-прежнему рядом. Это деревянный ящичек с вырезанным на крышке цветком. Нужно дважды повернуть ключ, а затем поднять крышку. «Закрой глаза!» — часто говорю я Джошу. Он моментально зажимается с полнейшим доверием, которое есть только у детей. Звуки «Эдельвейса» наполняют воздух. А затем я говорю: «Открывай!» — и его глаза всегда полны удивления.

«Магия, буль!»

Мой внук сделал так, что жизнь снова стоит того, чтобы жить. И я не позволю Роджеру или бесхозной разведенке вроде Кэрол разрушить его судьбу так же, как мачеха сломала мою.

«Ты всегда можешь приехать сюда, мам, если тебе нужно время подумать», – предложил мне сын по скайпу, когда я рассказала ему о последнем романе Роджера. «Сюда» – означало в Австралию; самое далекое место, куда он смог сбежать от отца, чьи «похождения», как выразился ребенок, «вызывают тошноту». Но идея расстаться с единственным внуком на недели, а быть может, и на месяцы, казалась невыносимой.

Так же как и вероятность разделить заботу о нем с другой женщиной.

Разве я могу позволить Джошу расти, называя Кэрол бабушкой? Она была бы «гламурной» бабушкой, а я – маленькой, серой, невзрачной мышкой. Она засыпала бы Джоша подарками, чтобы завоевать его любовь. Я почти вижу, как она ведет его в зоопарк или в цирк. Он мог бы – и при одной этой мысли я вздрагиваю от боли – вырасти и любить ее больше, чем меня.

– Привет. – Муж выходит из кабинета и прикасается своими губами к моим. Я стараюсь не думать, что этот рот недавно целовал Кэрол. Эти руки ласкали сокровенные части ее тела. Этот голос говорил, как любит ее. Возможно, это происходит до сих пор. Но я решила, что ничего не имеет зна-

чения, раз он решил остаться с семьей.

– Привет. – Я отступаю на шаг, ощущая себя второстепенным персонажем пьесы. В общем-то, Роджер смотрелся бы неплохо в главной роли, и не только потому, что его реплики такие веские. Он красивый мужчина, мой муж. Волосы по-прежнему густые, несмотря на возраст (шестьдесят пять лет). Доброжелательная вальяжность того рода, который проистекает от общения со стайками очаровательных студенток на протяжении долгих лет. Потребность в слушателях и природный дар смешить людей, хотя обычно он приберегает его для публики, а не растрчивает на меня. Рост шесть футов три дюйма, представительная фигура и умение держаться с достоинством в униформе лондонских окрестностей – легких бежевых брюках и рубашке с открытым воротом. Сегодня слишком жарко для твидового пиджака.

– Ну что, хорошо провела время в городе? – интересуется он.

Я почти нарушаю зарок не упоминать Кэрол, но вовремя останавливаюсь.

– Да, спасибо. – Наша сдержанная вежливость кажется неестественной, но, по крайней мере, это лучше прежних ссор. – Чем занимался? – спрашиваю я.

В нормальных отношениях это обычный вопрос, но после измены я слишком хорошо усвоила, что все сказанное, увиденное по телевизору или прочитанное в газетах наполняется новым смыслом. Так что мое «Чем занимался?» легко

можно воспринять как: «С кем переспал сегодня?»

— Да так, мастерил кое-что, — отвечает он. — Я не в восторге от проводов к колонкам в кабинете, поэтому купил кабели потоньше, которые не будут так навязчиво бросаться в глаза.

Роджер всегда был практичным человеком. Это одна из черт характера, которые привлекли меня, когда мы встретились много лет назад. Если он умеет чинить вещи, мелькнула мысль в моей наивной восемнадцатилетней голове, — тогда, быть может, он сумеет «исправить» и меня?

— А еще заходили новые соседи — сказать, что переустраивают сад. Хотели убедиться, что нас это не беспокоит. Мы разговорились, и они пригласили меня выпить кофе, но тут позвонила Эми. Там у нее какая-то запарка по работе, и она спрашивала, можем ли мы взять Джоша на пару часов.

О да! Внезапно день стал намного лучше. Когда наша дочь объявила, что они с мужем решили переехать из Лондона поближе к нам, я почувствовала небывалый всплеск любви и благодарности. Видимо, я создана для выращивания внуков. У меня есть «работа», но, если честно, я рассматриваю ее скорее как хобби. Изготовление странного мозаичного столика для ярмарки рукоделия в благотворительных целях вряд ли можно назвать полноценной занятостью. Так что когда детям требуется дополнительная пара рук — вот как сейчас, во время летних каникул перед тем, как Джош пойдет в «настоящую» школу, — они уверены, что я всегда на подхвате.

Есть что-то особенное в ребенке, который появился у вашего собственного ребенка. Кажется чудом, что дочь, которую я родила, теперь сама имеет малыша, частично сформированного из моих генов. Это будто связывает нас невидимой пуповиной.

Мой внук Джош не просто любит меня. Он доверяет. Он боготворит – а не указывает в покровительственной манере, которую обожают на себя напускать взрослые дети, что мне можно, а что нельзя. Он никогда не предаст меня, как поступил его дед (а возможно, продолжает так поступать до сих пор). И не менее важно, что он действительно мой шанс начать все заново. На этот раз выстроить правильную семью. Я не повторю ужасных ошибок, которые совершала раньше.

Стараясь выбросить Кэрол из головы, я прикидываю расписание дня. Мы весело пообедаем втроем, и нам с Роджером не придется вести за столом вымученную вежливую беседу. По настоянию дочери я открою для Джоша бутылочку сока, «не содержащего сахара», не содержащего вообще ничего, а муж выпьет бокал белого вина. Я же не стану изменять своей обычной минеральной воде с ломтиком лимона. А после обеда мы поиграем в саду. Идеальный день.

И тут Роджер все портит.

– Я не буду обедать, если ты не возражаешь. Лучше продолжу переделывать провода.

– Ну ладно, – отвечаю я, помедлив и вспомнив советы консультанта. Пусть будет занятым. Выход на пенсию – это

стресс, если предаваться безделью.

Он тянется к моей ладони и стискивает ее, как будто ищет подтверждения. А у меня стоят перед глазами те длинные волосы, длинные ноги. Я сжимаю руку мужа в ответ, но невидимая незаживающая рана внутри меня горит и ноет.

Снаружи хлопает автомобильная дверь. Маленькие ножки бегут по дорожке. Стучит дверной молоток. Раздается голос дочери:

– Джош, дождись маму!

Внук, одетый в красную футболку, которую я купила ему на прошлой неделе, прыгает в мои объятия. Ого! Он уже слишком тяжелый, чтобы держать его на руках, – но я держу, вытягивая носом его запах. Джош – это доказательство того, что я все сделала правильно, сохранив свою небольшую семью.

– Бросай, буля! Бросай!

Мой внук в один прекрасный день выйдет играть в крикет за сборную Англии. Я уверена! У него удивительный глазомер и чувство мяча.

– Слишком высоко!

Я пробую еще раз.

Бум! Джош отбивает мяч пластиковой крикетной битой, привезенной из нашего весеннего внепланового мини-отпуска на островах Силли.

– Отлично!

– Еще! Еще!

Я смотрю на небо. Солнце скрылось за тучами. В воздухе духота, он ощущается тяжелым и плотным, стало быть, гроза неминуема.

– Только один разок!

Отбитый мяч свистит в воздухе над моей головой и улетает к дому.

– А ну, кто быстрее, буль!

Я нарочно отстаю, позволяя ему выиграть. И когда притормаживаю – замечаю Роджера через доходящее до пола французское окно кабинета. Что-то в его поведении кажется странным, я понимаю это даже с такого расстояния. Он с телефоном возле уха ходит взад-вперед по комнате, размахивая руками, словно с кем-то спорит. Он ведь говорил, что собирается чинить провода?

Подозрения шевелятся во мне неприятными холодными змеями. *«Мы все равно встречаемся».*

– Мяч у меня, буль!

Я совершенно не хочу ссориться с мужем на глазах внука.

– Давай проверим, как далеко ты сможешь его бросить, дорогой. Тренируйся пока, я вернусь через минуту.

Я иду к дому. Роджер теперь стоит спиной ко мне. Затем поворачивается боком. По его лицу текут слезы. И в тот же миг я все понимаю, хоть и не слышу его слов. Мой муж разговаривает с Кэрол. Он все равно тоскует по ней. Хочет уйти от нас. И все мои решения – это лишь попытка закрыть глаза на проблему.

В ярости я дергаю ручку окна. Заперто. Но муж вздрагивает от шума. На его лице появляется виноватое выражение. Он пытается скрыть его, однако уже слишком поздно.

Он шевелит губами, делая знаки, что это неотложный звонок. Да уж, не сомневаюсь. Но мне плевать.

– Открывай, ты, ублюдок! – кричу я. (Здесь следует добавить, что я обычно не произношу таких слов.)

А он опять поворачивается ко мне спиной!

Я снова дергаю ручку. На этот раз так сильно, что она едва не отрывается от створки. С неохотой, или мне так кажется, он кладет телефон в карман и открывает окно.

– Это она, да? – требую я ответа, врываясь внутрь.

– Ты о чем?

– Ты прекрасно знаешь, о чем я, черт побери! Дай мобильник.

Он инстинктивно прикрывает рукой карман:

– Не надо. Прошу!

Поздно. Я уже подскочила и выхватила телефон, и теперь лихорадочно пытаюсь посмотреть, с кем был последний разговор, но муж отбирает у меня трубку. Я выдергиваю телефон из его рук, и он снова отнимает его. Лицо мужа красное, глаза испуганные.

– Кэрол была с тобой, когда ты выбирал этот сраный игровой домик, да? – ору я. – Ну, давай! Признавайся!

Роджер колеблется. Всего секунду. Но этого достаточно.

– Все совсем не так, как... – неуверенно начинает он.

— Ах ты, сволочь! — кричу я. — Ты все равно этого не стоишь! Ты все разрушил. Все. Молодец, возьми с полки пирожок! Ступай к ней, она с радостью тебя примет. Но не думай, что у тебя останется и семья! Я позволю ей строить из себя бабушку только через мой труп!

И тут я вспоминаю. Джош! Где он? О господи. Как я могла оставить его без присмотра? Проклятый Роджер. С возрастающим чувством ужаса, от которого волосы на руках встают дыбом, я осознаю свою вину.

На лужайке пусто. Паника подступает к горлу, мешая дышать. Я пытаюсь рассуждать, пока несусь в дальний конец сада. Ребенку отсюда не выбраться, так? После рождения внука мы укрепили забор между нами и соседями. Джош не сможет перелезть через запертую на висячий замок боковую калитку, выходящую на дорогу. Она слишком высокая. Его нет на деревянной горке и качелях, которые мы купили ему к четвертому дню рождения. В игровом домике, может быть? Я бросаюсь туда и заглядываю внутрь. Стул и столик с книжкой-раскраской, наполовину изрисованной. Больше ничего. В беседке его тоже нет.

Бьют церковные часы.

И тут у меня замирает сердце. Когда люди так говорят, они подразумевают, что это просто оборот речи. Но мое сердце действительно перестает биться в момент, когда я заглядываю за игровой домик и вижу выломанную доску в заборе. Как такое могло случиться? Мы все проверяли на прошлой

неделе. Теперь здесь щель. Достаточно большая, чтобы туда мог пролезть ребенок...

Я отрываю занозистые доски, царапая ладони, не чувствуя боли, пробивая путь на соседний участок. И в этот момент вспоминаю слова Роджера. «...Заходили новые соседи – сказать, что они переустраивают сад».

Здесь пруд. Большой пруд с причудливыми чашами для фонтанов в центре.

И на поверхности воды плавает маленькая красная футболка.

Часть первая

До происшествия

Незабудка (Myosotis sylvatica)

Синий полевой цветок.

История гласит, что когда-то давным-давно пара влюбленных устроила пикник на скале. Девушка заметила красивый синий цветок, растущий на краю. «Какая прелесть!» – воскликнула она.

Молодой человек тут же вскочил, чтобы сорвать его для нее, но потерял равновесие и упал. «Не забывай меня!» – успел он крикнуть, пока летел навстречу смерти.

История-напоминание – как будто мы нуждаемся в этом, – что любовь бывает смертельной.

Глава 1

Элли

Королевская тюрьма Лонгвэйд, Оксфордшир *Четыре месяца спустя*

Я обвожу взглядом камеру. Голое помещение, если не считать покрытого пластиком стола, жесткого стула с прямой спинкой, картонной коробки для хранения одежды, двух узких коек и унитаза, чтобы делать свои дела после того, как двери камер запираются. Моя подушка твердая, как камень, потому что новая. Они всегда такие в начале срока. «Думаю, их специально делают жесткими, чтобы ты глаз не могла сомкнуть», – предположила моя сокамерница.

Сейчас ее нет. Так что я лежу на спине и размышляю о всякой всячине. Я потратила жизнь, пытаюсь забыть прошлое. Но возможно, пришло время взглянуть в лицо фактам.

От этого может зависеть моя свобода.

Когда я вспоминаю детство – ту его часть до происхождения, – в основном в голову лезут всякие мелочи. Глупые, почти обыденные случаи. Только позднее я поняла, что они предвестники грядущих ужасов.

Взять хоть вареные яйца всмятку. Когда я впервые показывала своему внуку Джошу, как их правильно чистить, то слышала в голове голос мамы, так ясно, словно она стояла

рядом со мной на нашей прежней кухне в зеленом пригороде с северной стороны Лондона.

– Легонько обстучи его сверху ложкой, – объясняла она. – А потом возьми нож и аккуратно срежь макушку.

– А разве яйцу от этого не больно? – спросила я.

Мама заключила меня в свои теплые объятия. Я до сих пор помню, как это прекрасно.

– Ах ты, глупышка! Это же не человек. Ты такая чувствительная, Элли! Что мне с тобой делать?

Она говорила это по-доброму. У меня не так уж много воспоминаний о матери, но она редко сердилась, за исключением одного случая.

Родители купили мне куклу. Кажется, на день рождения или на Рождество, потому что в те дни дети получали подарки только по особым случаям. Она была очень красивой, с фарфоровым лицом и желтыми кудрявыми волосами. Когда я ее перевернула, она произнесла: «Мама!» – таким душераздирающим голосом, что мне захотелось обнять ее и не отпускать никогда.

– Жаль, что она не настоящая, – сказала я. – А ты не можешь завести мне братика или сестричку, как мамы моих подруг?

– Нет, – ответила мама. И посмотрела на меня так, будто я ляпнула что-то очень грубое. – Я не могу.

Потом она взяла красивую голубую чашку, которую всегда любила, и швырнула в стену. Какую-то секунду мама стояла,

разглядывая осколки на полу. А потом, не сказав ни слова, вышла из комнаты.

Опустившись на колени, чтобы собрать осколки фарфора, я расплакалась.

– Все в порядке, – успокаивал меня отец, помогая собирать черепки. – Маме просто надо немного полежать. Она почувствует себя лучше, когда отдохнет. Давай я сам закончу, а то ты порежешься.

Морщины на лбу отца показались мне похожими на кусок гофрированного картона, которым он воспользовался, чтобы замести осколки.

– Извини, Элли, – сказала мама, когда наконец вышла из своей комнаты. – Я просто очень устала, вот и срываюсь. Иногда я чувствую себя такой разбитой, хоть на стену лезь.

Даже сейчас я слышу в голове свои детские рассуждения. Сорваться – это значит откуда-то упасть. Как яблоко с ветки? Я представляла, как мама лезет на стену, срывается и разбивается вдребезги, как красивая голубая чашка. Может, трещины на тротуарах возникают оттого, что кто-то лез на стену и сорвался на асфальт? Мама однажды сказала, что наступить на такую трещину – плохая примета. И мы должны на всякий случай переступать через каждую. Но рассказывать об этом никому не надо, иначе люди подумают, что мы дураки.

Меня стали преследовать ночные кошмары. «Ш-ш-ш, – успокаивал отец, заходя в мою комнату, когда мама снова

чувствовала себя нехорошо. – Все в порядке». Но я понимала, что он лжет, потому что его лоб снова напоминал гофрированный картон.

Вскоре из-за усталости мама больше не смогла провожать меня до школы. Так что отец взял это на себя. Он шел слишком быстро по сравнению со мной, но нам приходилось спешить, чтобы он успел вовремя вернуться и открыть магазин канцтоваров. Он принадлежал семье мамы в течение долгих лет, и папа принял бразды правления после того, как скончался дедушка. Однако, несмотря на спешку, однажды мы остановились у дерева с трухлявой серединой.

– Смотри, – сказал отец с ноткой удивления в голосе. – Видишь вон те грибы у подножия? Никогда их не трогай. Они могут быть ядовитыми.

Мне тут же захотелось потрогать. Вдруг они на самом деле волшебные и могут сделать так, чтобы мама перестала устывать?

Иногда, если отцу нужно было присматривать за мамой, из школы меня забирала наша соседка мисс Гринуэй. От нее пахло тальком, и у нее были красивые желтые волосы, как у девушки на моем флаконе с шампунем. Она всегда говорила «туалет» вместо «уборная», когда спрашивала, не нужно ли мне туда, а когда однажды взяла меня к себе домой «на чашку чая», я заметила, что она держит нож и вилку в манере, которую мама называла «простой», что бы это ни означало.

– Да без проблем, – всегда говорила мисс Гринуэй отцу,

когда приводила меня домой. Я сразу бежала к матери в затемненную полосатыми синими занавесками спальню и общала, как у меня прошел день. Иногда мама выслушивала мои рассказы о новой лучшей подруге в школе – кажется, те постоянно менялись. Но часто она переворачивалась на другой бок и передвигала подушку, как будто я ее раздражала, и говорила:

– Приходи попозже.

Когда подошел мой шестой день рождения, мне не разрешили устроить вечеринку с друзьями, потому что «мама не вполне здорова».

– А можно устроить только для меня? – спросила я отца. Он странно улыбнулся.

– Это было бы неправильно. Не при данных обстоятельствах.

Что бы это значило?

Позже, когда новые друзья спрашивали, как долго моя мама болела, я затруднялась с ответом. Иногда казалось, что несколько месяцев. Иногда – лет. Я думаю, прошло еще одно Рождество, поскольку помню, что впервые в жизни не нашла в чулке подарок.

– Ты уже большая девочка, – сказал отец.

При чем тут возраст? Как это связано?

Однажды, когда вместо отца меня встретила после школы мисс Гринуэй, я заметила, что у нее красные глаза. И тальком от нее в этот раз не пахло.

– Твой отец сказал, что ты немного побудешь у нас, – сообщила она.

– Почему? Зачем? – спрашивала я всю дорогу, пока она вела меня к своему дому, крепко держа за руку мягкой ладонью.

Но вместо ответа она лишь сильнее стискивала мою руку.

Мне не понравился дом мисс Гринуэй. Он был размером с наш, но темнее, потому что «электричество дорогое». Она жила со своей матерью, миссис Гринуэй, которая орала: «Говори громче!», стоило мне что-то сказать. В ванной комнате на подоконнике стоял флакон с надписью «Освежитель воздуха», на котором были нарисованы бело-розовые цветы. Из любопытства я надавила на крышку и расчихалась: из него вырвалась вонючая струя. Я выскочила и захлопнула за собой дверь, на случай, если эта дрянь ядовитая.

К чаю был пирог по-пастушьи.

– Твой отец сказал, что ты такое любишь, – заметила соседка, ставя передо мной тарелку.

Слой картофеля сверху был комковатым, однако я все съела, потому что не хотела показаться невежливой.

– Вкусно, дорогая? – спросила соседка. Ее высокий голос при этом и вовсе сорвался на писк. Это напомнило мне о котятках, которых наша учительница приносила в школу в прошлом семестре – вдруг кто-нибудь из нас захочет взять одного. (Мне бы не разрешили, потому что у нас «и без того достаточно забот».) – Ты уверена, что наелась? Смотри, я

сделала тебе желе на десерт, хотя оно немного не застыло с одного бока. – Ее лицо погрузнело. – Боюсь, я совсем не привыкла готовить для детей.

Это не было похоже на желе с кусочками мандарина внутри, которое обычно готовила моя мать, но я съела его из вежливости, как и пастуший пирог.

Потом мы сидели в комнате, которую она называла «залом». А я гадала – где же тогда гостиная?

– Мы с мамой обычно читаем после чая, – сказала я мисс Гринуэй.

– У нас нет детских книг, но ты можешь полистать это, если хочешь. – Она протянула мне журнал. – Это последний номер «Женского царства». Смотри – тут принц Чарльз на обложке. Ему давно пора жениться, тебе не кажется?

По счастью, она не ожидала ответа на этот специфический вопрос, а просто уселась на диван, забравшись с ногами, и смотрела, как я переворачиваю страницы. Я никогда не видела, чтобы мама читала подобное. Отец всегда говорил, что она «книжный червь».

На каминной полке стояли латунные часы. Они тикали размеренно и шумно. Мать мисс Гринуэй, вязавшая в кресле у очага, косилась на нас.

– Когда этот ребенок уйдет домой? – спросила она громко, как будто меня там не было.

Я и сама задавалась этим вопросом.

– Мама! Мы должны дождаться ее отца! – Мисс Гринуэй

похлопала по дивану рядом с собой. – Уже пора включать телевизор. Элли, хочешь посмотреть с нами новости?

Она произнесла слово «новости» так, что оно прозвучало скорей как «нувости». Дома мы обычно слушали радио.

На экране появился очень серьезный человек, рассказывающий о войне, которая идет в месте под названием В Ет Нам. Там показывали ужасные фотографии раненых детей.

– Говори громче, ты! – потребовала старая миссис Гринуэй, потрясая клюкой перед экраном.

– Я устала повторять, мама. – Голос мисс Гринуэй был другим. Более чеканным. – Тебе нужно проверить слух.

Наконец раздался стук в дверь. Соседка вскочила с места, словно ждала этого, а не смотрела телевизор. Я заметила, что ее мать кинула на меня такой взгляд, словно меня жалеет. Голос отца послышался возле входной двери. Приглушенный. Низкий. Затем он приблизился.

– Элли?

Казалось, он разговаривает с бордовыми завитушками на ковре, а не со мной.

– Твоя мать хочет тебя видеть.

Я кинулась надевать пальто, не попадая в рукава.

– Ей лучше? – спросила я.

Мисс Гринуэй кашлянула.

– Что он говорит? – рявкнула старуха. – Еще не умерла?

– Умерла? – повторила я. Это слово казалось противным на вкус. – Я не понимаю.

– Мама хочет с тобой попрощаться, – глухо сказал отец, как будто у него ком стоял в горле (я знала – это выражение означает, что там что-то застряло). Его рука в кожаной перчатке крепко сжимала мою, когда мы шли по дорожке к нашему дому.

Во всем этом не было никакого смысла.

– А куда она собралась? Она что, уезжает? А почему мы не можем с ней? А про кого спрашивала мать мисс Гринуэй?

Он лишь крепче сжимал мою руку. Было больно, но я не любила жаловаться.

В нашем доме горели все огни. Как будто намечалась вечеринка, на которую никто не пришел, за исключением незнакомой женщины. Она была одета в униформу медсестры, точно такую же, что лежала в моем кукольном комод.

– Ваша жена спрашивала, где она. – Женщина схватила меня за руку и потащила вверх по лестнице. – Быстрее, пока не слишком поздно.

Медсестра втолкнула меня в родительскую спальню. Вся обстановка была прежней. Туалетный столик под окном, за которым рос раскидистый ясень. Высокий деревянный шкаф, рисунок древесины на нем напоминал морды (одна похожая на льва). Мамины пушистые розовые тапочки возле кровати. Но пожелтевшее лицо, глядящее в потолок, не принадлежало маме, было чужим. Как и худая грудь, из которой доносился странный звук, когда она поднималась и опускалась. Чьи черные глаза смотрят на меня? Чья тонкая рука

потянулась ко мне, прежде чем упасть на простыню?

– Подойди, – прошептала она. – Приляг рядом со мной.

Когда я была маленькой, обожала залезать в постель к родителям воскресным утром. Мы втроем играли в слова и рассказывали истории. Но потом отец сказал, что я уже слишком большая, и это прекратилось.

Какое-то время мне этого не хватало. Но теперь я пришла в ужас от мысли, что надо лечь на кровать рядом с желтым телом, которое притворяется моей мамой.

– Что вы сделали с мамочкой? – захныкала я.

– Все в порядке, Элли, – прошептал отец. – Твоя мама выглядит по-другому, но внутри она та же самая. Приляг рядом, как она просит. Она хочет просто обнять тебя.

Я заставила себя повиноваться. Простыни оказались влажными. Мама стала поглаживать меня по руке. Ее пальцы были твердыми и костлявыми.

– Поцелуй меня, Элли! – пробормотала она.

Отец, сидевший на краю кровати, кивнул мне. Я прижалась к желтому телу и ткнулась губами в ее правую щеку. Она была очень холодной.

– Еще! – прошептала она.

Нет! Отбросив простыни, я кинулась прочь. Она испустила стон, как будто я сделала ей больно.

– Вернись! – закричал отец мне вслед.

Я сбежала по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, пронеслась мимо медсестры, выскочила в сад к кривой

яблоне с потрескавшейся корой, под которой любила читать, и забралась на нее. Меня так трясло, что ветка, где я сидела, дрожала вместе со мной. Я никак не могла отдышаться.

– Элли?

Отец вышел из задней двери. Он подошел к моему дереву, остановился под ним и протянул ко мне руки. Я думала, что он сердится. Но его лицо теперь выглядело гладким под лунным светом, как будто наконец разгладились линии на гофрированном картоне.

– Можешь спускаться. Все кончено.

Он стоит надо мной с ремнем.

– Ты плохая девочка. Скажи, кто ты?

– Я плохая девочка, – повторяю я.

– Точно такая же, как твоя мать.

Я плотно сжимаю губы.

– Давай! – кричит отец. – Скажи это!

Но я молчу.

Удар ремня ощущается как ожог.

Глава 2

Джо

Бристоль

– Ты меня слышишь?

Вздрагнув, я просыпаюсь. Секунду или две стряхиваю остатки сна. Он бросается на меня со зверским лицом... Руки на моем горле... Ногти впиваются в кожу...

«Это мне снится, это не по-настоящему», – говорю я себе. Парень, который смотрит на меня сейчас сверху вниз, – не человек из моих кошмаров. Хотя тоже выглядит не слишком дружелюбно.

– Я сказал – тебе пора выходить. Мы приехали.

Я протираю глаза – смущенная, не выспавшаяся и потрясенная такой побудкой. Где я вообще? На секунду мне кажется, что этот человек – полицейский, но затем я понимаю, что на нем форма автобусной компании. И все равно мне страшно. Не знаю почему.

– Ладно, ладно. – Я заставляю себя подняться и шагаю в проход между креслами. Я все еще не могу перестать дрожать.

Снаружи я вижу вывеску: «Добро пожаловать! Автостанция города Бристоль». Я с облегчением вздыхаю. Я никогда не была в этом городе, но знаю, что он крупнее предыдущего.

Здесь больше людей, подходящих мест для ночлега и уголков, где можно спрятаться. Полицейских здесь тоже полно, но их не волнуют люди вроде меня, если мы не создаем проблем. У них и без того хватает забот. Так что, если повезет, я смогу остаться незамеченной.

Я пробираюсь к выходу, подхватив свою стопку «Большой проблемы». Водитель автобуса зажимает нос ладонью. Что ж. Я знаю, что воняю. Попробовал бы он побыть бездомным. Он, вероятно, из тех, кто думает, что нам нравится так жить. Хотя надо заметить, что доля правды в этом есть.

– Давай пошевеливайся, – подгоняет водитель. – У некоторых из нас есть дом, и они туда торопятся.

Наверно, это здорово. Как бы мне хотелось, чтобы меня ждали где-нибудь. Там, где можно закрыть глаза и спать несколько дней напролет.

Здоровяк с бородой хватается за руку, когда я выскакиваю из автобуса. Я застываю на месте.

– Грабли свои убрал! – рявкаю я.

– Я просто пытался помочь вам спуститься по ступенькам, любезная. Взгляните. Вы обронили несколько журналов.

О нет. Кто-то уже наступил на верхний. И на тот, что под ним. Теперь я не смогу их продать.

– Позвольте я вам помогу. – Я смотрю на асфальт, пока бородач их собирает.

– Стало быть, торгуете «Большой проблемой»? ² – спра-

² «Большая проблема» – уличное издание, выпускаемое специально, чтобы

шивает он с любопытством.

Я дрожу. Наплевать на журналы, говорю я себе. Беги отсюда, прежде чем появятся новые вопросы.

Я ныряю в толпу и перебегаю оживленную дорогу перед носом автобуса. Клаксон ревет, но я успела! Грудь болит, я несусь по одной улице, затем сворачиваю на другую, едва не запнувшись о разбитую бутылку на тротуаре. Где-то завывает сирена, пугая до полусмерти. Я оглядываюсь – не преследует ли меня кто-нибудь. Какая-то женщина таращится на меня; у нее бледное лицо и запавшие глаза. У меня ёкает сердце. А затем я понимаю, что это всего лишь манекен в витрине.

Браслет на руке съехал и теперь выглядывает из-под рукава. Я заталкиваю его обратно, чтобы спрятать от чужих глаз. Я думаю о журналах, которые мне пришлось оставить на земле. Экое расточительство. Эта партия обошлась в кругленькую сумму. Не все знают, что продавцы платят за них вперед.

Теперь я на другой улице, с граффити на стенах домов и грязных лавчонок, многие из которых заколочены досками. «Ювелирные изделия, скупка и продажа», – гласит одна вывеска.

За прилавком юноша с большой, похожей на гигантскую мятную таблетку серьгой в ухе копается в своем айпаде.

– Сколько дадите за это? – спрашиваю я нервно.

обеспечить заработком бездомных людей. «Говорящее» название для окружающих.

Он кидает на меня быстрый взгляд.

– Сперва надо как следует рассмотреть изделие, дорогуша.

Я задвинула браслет так высоко на руку, что с трудом стаскиваю его. Кажется, что вожусь целую вечность.

Я почти не дышу, пока он вертит украшение в руках, изучая маркировку на внутренней стороне, а затем подбрасывает на ладони, словно прикидывая вес.

– Тридцать фунтов, – говорит он наконец.

– Думаете, я вчера родилась? – усмехаюсь я, стараясь держаться тверже, чем себя чувствую. – Это серебро. Он стоит гораздо больше.

Его глаза сужаются:

– Откуда он у вас?

– Подарили.

– Ну да, конечно.

У меня пересыхает во рту:

– Это мое, и я хочу его продать. Честно.

Я запоздало сожалею, что заявила сюда. Что, если он позвонит копам?

– И вы не хотите оставить его на память о былых временах? – Его голос полон сарказма. Он ближе наклоняется ко мне. Его грубая кожа покрыта оспинами, а изо рта воняет, как у собаки.

– Послушайте, дорогая. Ко мне постоянно приходят люди с подобными историями. Приходится быть осторожным. Так

что я дам вам пятьдесят, и покончим на этом. По рукам?

У меня нет выбора.

– Наличными, – вяло прошу я.

Деньги появляются у меня в руках так быстро, что я понимаю: надо было настаивать на большей сумме. Однако прохожу в себя уже за дверью. Я оборачиваюсь, чтобы сказать, что изменила решение. Но он уже повесил табличку «Закрывается» и выключил свет. Этот ублюдок сразу понял цену, когда рассматривал браслет.

Я придерживаю банкноты в правом кармане, пока прохожу мимо толпы подростков на тротуаре. Какое-то время иду куда глаза глядят. Злой ветер пронизывает до костей. Некоторые улицы намного шикарней других. На одной полно заколоченных окон и мусорных баков. А на следующей огромные дома с припаркованными возле сверкающими автомобилями.

Я вижу неоновую вывеску круглосуточного супермаркета. Отлично. Покупаю пачку бумаги для самокруток, немного табачку и еще пару мелочей, прежде чем вернуться на улицу, постоянно оглядываясь на всякий случай.

Холодно. Лето кончилось незаметно. Я стараюсь не думать о зиме и о том, как ее пережить. Я прохожу мимо крупного магазина «Бутс». Он напоминает Оксфордшир и некоторых «слишком-хороших-чтобы-это-было-правдой» дам, которые там помогали мне. Одна из них стоит особняком в моем сознании. Интересно, чем она занимается сей-

час? Я представляю, как она ужинает с мужем. Наверняка приготовила что-то необычное, а может, он повел ее в шикарный ресторан. А потом они, вероятно, немного посмотрят телевизор. Она станет долго купаться в ванне с пахучей пеной и положит голову на мягкую подушку. Я хочу быть как эта женщина. Но кто она и кто я? У нас нет ничего общего. И никогда не будет.

Я прохожу мимо газетного киоска с плакатом снаружи: «Охота на убийцу из Оксфордшира».

Кожа покрывается мурашками. На мгновение лицо кажется знакомым, но я не могу точно вспомнить его. Я трясую головой и иду дальше, по-прежнему размышляя об увиденной картинке.

Мне попадается вывеска хостела. Возможно, все же повезет сегодня. Я толкаю дверь и захожу. Выглядит как помойка, грязная белая краска облупилась на стенах.

– Мест нет, – сообщает девица за обшарпанным столом. У нее пирсинг на языке – серебряная шпилька. – Сожалею.

– Сколько стоит койка?

– Двадцать фунтов, но, как я уже сказала, мест нет.

Я стараюсь сделать старушечье лицо:

– Прошу, милая. Я замерзла, и там так страшно, на улице.

Кто-то только что пытался меня ограбить.

Это неправда, но вполне вероятно.

Девушка колеблется. Я цепляюсь за свой шанс.

– Должно же найтись хоть какое-то местечко, – говорю я

умоляющим голосом. – Хоть в шкафу для швабр. Где угодно.

– Ладно, – неохотно соглашается она. – Можете занять нашу резервную комнату. Общий туалет в конце коридора. Завтрак в стоимость проживания не входит.

Она проводит меня в комнатку, маленькую, как тюремная камера. Кровать узкая и жесткая, здесь нет окна, но наконец-то я не на улице.

Я так измотана, что мне следовало бы спать без задних ног, но я ворочаюсь всю ночь, перебираю все в голове, пытаюсь решить, что делать. Когда наконец засыпаю, мне снова снится кошмар с тем человеком. «Не надо!» – пытаюсь я закричать, но не могу вымолвить ни слова. Его руки сжимают горло так сильно, что кровь выплескивается изо рта. Мое тело коченеет от ужаса.

Я просыпаюсь от стука в дверь.

– Прекращай орать! – говорит чей-то голос. – Ты всех будишь.

После этого я никак не могу заснуть, так что складываю свои пожитки в пакет и ухожу. Чем оживленней место, тем лучше. Поэтому я иду по указателю «Центр», проталкиваюсь через толпу людей, спешащих на работу, и держу ушки на макушке. Я не одна такая. Только если вы станете как я, поймете, как много людей болтаются за бортом жизни.

Достаточно лишь взглянуть на фигуру под серым одеялом на тротуаре. Рядом сидит собака, охраняет. Что за история

у этого человека? Он садится. Зевает. И тут я понимаю, что это женщина.

Я сажусь рядом с ней. Она таращится на мою бритую голову. Нет, какова наглость! Она и сама не портрет маслом со своими сосулькообразными волосами.

– Отвали! – каркает она. – Это мое место!

Ее собака в пятнистом желтом ошейнике издает низкий рык. Ладно. Я все поняла.

Быстро ухожу, держа руку в кармане, чтобы убедиться, что деньги от продажи браслета все еще там.

Я прохожу мимо рыночного лотка. Пять фунтов за вязаную вещь! Это очень дорого, но нужно покрыть голову – я чувствую себя слишком заметной, кажется, что на меня пялятся. Вытаскиваю одну банкноту, стараясь, чтобы парень за прилавком не увидел остальные. Затем натягиваю шапочку поглубже на лоб и кидаю взгляд за спину. По-прежнему никого.

Нужно убить время. Жизнь на улице – странная штука. Смесь скуки и страха.

Однако она дает возможность увидеть то, что вы пропустили бы, если бы мчались куда-то вместе со всем остальным миром. Взять хотя бы вон ту девушку, сидящую в уличном кафе рядом с женщиной постарше. Девушке лет семнадцать или восемнадцать, а мать все равно гладит ее по голове, как маленького ребенка. А на днях я видела парочку на траве в парке. У них был пикник, но выглядели они по-настояще-

му отстраненными друг от друга. А потом маленькая птичка уселась на скатерть. Парень угостил ее крошками, и девушка захлопала в ладоши, будто он показал волшебный фокус. После этого они смотрелись вполне нормально.

Я останавливаюсь на минутку возле парка со скульптурой. Молоденькая хихикающая пара, делают селфи щека к щеке. Первая любовь! Это заставляет меня умилиться и разозлиться одновременно. Хочется подойти и сказать им, что они никогда больше не найдут такого, что надо беречь чувство. Потому что, если они не станут его охранять, кто-то или что-то разобьет их сокровище на тысячу осколков.

Я иду дальше, спускаюсь в подземный переход – в бетонный тоннель из тех, где тусуются подбирающие «бычки» подростки на велосипедах. Один говорит другому, что встретится с ним попозже в «Крэковом переулке». У меня нехорошие ощущения от этого места. Так что я опускаю глаза и быстро иду к выходу, где возле стены лежит подушка, ждущая возвращения хозяина.

Когда я выхожу на другую сторону улицы, начинает накрапывать дождь, но – на мою удачу – прямо передо мной церковь с каменным крестом на куполе. Раньше я верила в такие предзнаменования, но теперь уже нет. Поэтому я просто сажусь на одну из боковых скамеек, наблюдая за туристами, выкладывающими по фунту за каждую свечу. Они то и дело роняют монеты, не замечая, и я тут же подхватываю их. Впервые за много дней мне спокойно. Веки постепенно

тяжелеют.

Я просыпаюсь от голодного урчания в животе. Это еще один аспект жизни на улицах. Вы знаете разницу между приемом пищи по потребности и едой от скуки. Видели когда-нибудь толстого бездомного? Я тоже нет.

На улице парень торгует пончиками. Я не прочь отведать сладкого. Опускаю руку в правый карман, и... меня кидает то в жар, то в холод. Должно быть, в церкви вытащили деньги, пока я спала. Какая же я тупая дура!

Я плотнее подтягиваю ремень, и снова меня подхватывает послеобеденный поток толпы. Но людей на улицах все меньше.

Что теперь делать? У меня совсем нет денег на хостел, и я не могу пойти в кризисный центр. Так что я просто передвигаю ноги, пока они шевелятся. Желудок сводит от голода. Я иду и иду, потому что не знаю, что дальше. Надо мной кружат чайки. По гигантскому кольцу несутся грузовики. Афиши перед шикарным театром приглашают купить билет, но это не для таких, как я. Какой-то человек сидит на обочине дороги с перевернутой шляпой – просит подаяние. Рядом с ним лежит заплесневелая буханка хлеба. Я прохожу мимо магазина с надписью в витрине: «Самое время съесть пирожок!» Ага, в мечтах, думаю я.

Теперь я на берегу реки. Должно быть, порт. Подо мной обрыв с лодками, качающимися на волнах. Я смотрю на воду. На что это похоже – прыгнуть и никогда больше не всплыть?

– Не надо, – произносит позади меня голос с мягким ирландским акцентом. – Оно того не стоит.

Я быстро оборачиваюсь. Это парень с картонкой в руках, на которой намалевано: «У меня нет дома, и я голодаю».

Обычно я держу себя в руках. Но шок от случившегося заставляет сказать все как есть.

– Мне некуда идти, – всхлипываю я. – Меня обокрали.

Он выглядит таким сочувствующим, словно по себе знает, что это такое.

– Да, тяжелая ситуация. – Он протягивает ладонь для рукопожатия: – Кстати, меня зовут Пол.

Настоящий джентльмен! Его зубы удивительно белые и ровные. Значит, не курильщик и не наркоман. Я замечаю, что рукав его рубашки порван.

– Что вы собираетесь делать? – спрашивает он.

– Не знаю, – отвечаю я.

– Вам негде ночевать?

Я качаю головой.

– Темнеет. Вы же не хотите остаться здесь одна? Может, пойдете со мной?

– Ха! Я не настолько глупа.

– Да бросьте! – Он смеется, словно я сказала что-то забавное, но в хорошем смысле. – Вы мне в матери годитесь! Я помогу найти место для ночлега.

Я колеблюсь. Холодно, и желудок пуст. Этот парень не выглядит опасным типом. И я понимаю, что уже иду с ним

вдоль реки, а затем дальше, тротуарами и переулками.

– Куда мы?

– В место под названием Стоукс-Крофт. Там хорошо. Мы все там тусуемся.

Здесь полно художественных магазинчиков с расписанными граффити стенами и с ревущей музыкой. Аккуратные рисунки вперемежку с выцветшими фразами типа «Долбанный Брексит», выполненные красной, синей и белой краской. Мы добираемся до большого фабричного здания, заколоченного досками и увешанного табличками «Не входить!», словно оно пустует.

– Вход с задней стороны, – говорит Пол. – Там разбитое окно. Забирайтесь. Только не порежьтесь о стекло.

Это слегка трудновато, но я справляюсь.

Я стою внутри. Пол рядом со мной. Он широко разводит руки в стороны, будто показывает дворец.

– Добро пожаловать в нашу обитель.

Глава 3

Элли

Смерть – это часть нашей жизни здесь, в тюрьме. Я говорю не только об убийцах или, по крайней мере, о признавшихся. Смерть – она селится внутри тебя от нехватки свежего воздуха и невозможности ощутить аромат цветов в саду, почувствовать объятия любимых.

С другой стороны, моя участь не ужаснее, чем я заслуживаю.

Мы с отцом пошли в место под названием «похоронный салон», чтобы увидеть маму. Ее забрали туда после «ухода от нас». Я была не вполне уверена, что это значит, и чувствовала, что должна спросить, но в то же время боялась ответа.

– Почему ты не мог оставить ее дома в постели? – спросила я вместо этого.

Мне пришлось повторить дважды, прежде чем отец ответил. Наверно, он не мог много говорить, потому что совсем не ел в те дни, хотя в дверь постоянно звонили люди, приносящие запеченную баранину, яблочные пироги и еще какую-то штуку под названием «фон дю». А чтобы нормально соображать, нужно нормально питаться. Мама всегда так говорила.

– Гробовщик должен сделать, чтобы она прилично выгля-

дела, — ответил он наконец.

— А что такое гробовщик?

— Это тот, кто... кто заботится о таких людях, как твоя мама.

— Но она и так хорошо выглядит, — возразила я. — Ты сам всегда ей это говорил. — Это правда. У мамы мягкие темные волосы, а ее кожа пахнет розами. И тут я вспомнила цвет ее лица, когда мы виделись в последний раз, и мою грудь вдруг сжало так сильно, словно ее обмотали гигантской эластичной лентой и стянули что есть мочи. — Меня не волнует, что она немного желтая. Я просто хочу ее увидеть.

— Бедный ягненок, — пробормотала мисс Гринуэй, которая пришла к нам, чтобы «помочь слегка прибраться».

Но отец смотрел в окно с таким выражением лица, будто ожидал, что мать сейчас покажется на дорожке и откроет входную дверь.

Вспоминая все это сейчас, я жалею, что отец взял меня с собой посмотреть на тело мамы. Неужели он не понимал, как сильно это на мне отразится? Едва ли в те дни это было таким обычным делом, как теперь, когда маленьких детей берут с собой, даже если хоронят их родителей. Но, несмотря на случившееся потом, я верю, что отец хороший человек. Наверно, он думал, что это поможет мне смириться с утратой.

Каковы бы ни были причины, подробности того ужасного дня до сих пор неизгладимо запечатлены в моей памяти. И

сейчас, когда прошло столько лет и я сижу в камере, я не могу запретить своему мозгу прокручивать их снова и снова.

Снаружи похоронный салон выглядел как закрытый магазин. В книгах, которые я читала, это слово обозначало гостиную. Здесь же было целое здание с белыми занавесками на окнах и светлыми пластиковыми цветами в вазе на столике рядом с большим золоченым крестом. Человек в черном костюме провел нас в заднюю комнату. Было так тихо, что я слышала собственное дыхание.

Глаза матери закрыты. Ее лицо больше не выглядит желтым. Она вся белая и блестящая.

– Что у нее с подбородком? – воскликнула я. Он был совсем другой формы – вытянутый и заостренный, как мое лицо в кривом зеркале на ярмарке, куда меня однажды водили родители.

– Все дело в мышцах, милая, – отозвался человек в черном. – Они обвисают, когда люди умирают.

– Но она не могла умереть! – закричала я. – Она просто... ушла! Ты сам мне это сказал, папа! Разве нет?

Я вцепилась в его руку, отчаянно дергая за рукав.

– Пусть она проснется, папа! Заставь ее!

Его голос звучал так, словно он его выдавливал, как зубную пасту из почти пустого тюбика:

– Я не могу, Элли. Ее тело больше не работает.

– Тогда исправь его! – рыдала я. Разве он не починил наш бойлер после того, как тот «продолжал мигать» при повтор-

ном включении? Отец был «хорошим мастером». Мама всегда так говорила. Он даже приделал крышку моей музыкальной шкатулки после того, как та оторвалась от петель.

– Иногда, дорогая, людей невозможно починить. – По лицу отца текли слезы. Они напугали меня. Взрослые не плачут. Так мама тоже говорила. – Наверно, это плохая идея. – Он взял меня за руку и повел к дверям.

– Она умерла из-за меня? – Мой голос звучал тихо, как чужой. Мы уже вышли на улицу, направляясь к машине. Я не могла унять дрожь. Будто чудовище завладело телом, встряхивая меня изнутри, как желе, которое мы с мамой когда-то готовили вместе. У меня даже зубы стучали.

– Нет! Конечно, не из-за тебя! Что это тебе в голову взбрело, Элли? – К нам с ревом приближался мотоцикл, и папа быстро подхватил меня, чтобы благополучно перебраться через дорогу.

– Я расстроила ее, – тихо пояснила я.

– Как? Когда?

– В тот раз, когда спросила, почему она не может завести еще ребенка, а потом она разбила голубую чашку.

Отец покачал головой.

– Это здесь совсем ни при чем, Элли. Она болела. И доктора ничем не могли ей помочь.

– Но она ведь хотела еще ребенка?

– Да. – Он кивнул. – Мы оба надеялись, что подарим тебе братика или сестру. Но не получилось.

Я ничего не сказала, потому что не хотела еще больше его расстраивать. Но в глубине души я знала правду. Я причинила боль матери, когда об этом заговорила. И именно тогда ей стало хуже. А потом она умерла. Значит, это моя вина.

Много лет спустя я побывала на выставке черно-белых фотографий в Национальной галерее, где меня поразил портрет девушки Эдвардианской эпохи в траурном платье. Ее волосы были убраны назад под черный бархатный ободок, открывая высокий лоб, как у Алисы в Стране чудес. Ее нежные глаза смотрели кротко, уголки губ печально опустились. От нее исходила аура принятия горя. Я сразу поняла, что она чувствует. И пока я стояла там среди толчеи других любителей искусства, эта фотография словно опять перенесла меня на похороны мамы.

Я застыла возле открытой могилы рядом с отцом, одетым в длинное серое пальто. В руке я держала ранние нарциссы из нашего сада. По папиному указанию я бросила их в яму на крышку гроба.

- Почему мама должна быть там? – спросила я.
- Что она говорит? – заорала мать мисс Гринуэй.
- Ш-ш-ш, – сказал кто-то еще.

Потом все люди вернулись в наш дом, в том числе мамина подруга, мать мальчика по имени Питер Гордон. Мы с ним играли вместе, когда были маленькими, а потом ходили в одну школу, правда теперь почти не разговаривали. Меня гладили по голове и обнимали люди, которых я никогда рань-

ше не видела. Поступали бы все они со мной мило, если бы знали, что я расстроила маму так, что она в конце концов умерла?

После похорон мамы все изменилось. Папа вернулся к работе, а меня начала провожать в школу мисс Гринуэй.

– Да без проблем, Найджел, – услышала я однажды, как она сказала отцу. – Я уже говорила вам, и это правда. Мне все равно больше нечего особо делать.

Я никогда раньше не слышала, чтобы она называла моего отца «Найджелом».

Мисс Гринуэй всегда казалась очень нервной, когда была со мной, и так крепко держала меня за руку, пока мы переходили дорогу, что почти причиняла боль.

– Ты под моим присмотром, – постоянно повторяла она. – Мне нужно вернуть тебя в целостности и сохранности, иначе твой отец никогда меня не простит.

Она много болтала (мама часто говорила, что наша соседка «пустомеля»). Она также задавала вопросы типа кто моя любимая кинозвезда или какое у моего отца любимое блюдо. Я не могла ответить на первый вопрос, но знала, что мама часто готовила блюдо под названием «жаба в норке»³. При одном воспоминании об этом у меня на глазах выступили слезы. Я очень сильно по ней тосковала.

³ «Жаба в норке» – традиционное блюдо, представляющее собой сосиски в кляре.

Однажды я почувствовала, что должна перепрыгивать через трещины на тротуаре. Мамин голос сказал мне, что если я так не сделаю, отец может умереть – так же, как она.

– Осторожнее, – твердила мисс Гринуэй. – Ты можешь упасть и пораниться.

Но я не могла перестать.

Мисс Гринуэй приводила меня к себе домой после школы. Я была с ней до тех пор, пока отец не возвращался с работы.

Мне это не нравилось, потому что ее старая морщинистая мать пользовалась тошнотворными духами, от которых щеколтало в носу. А еще она показывала мне язык, когда никто не видит, и смеялась. Ее глухота, казалось, то появлялась, то исчезала. Иногда она разговаривала тихо, а иногда очень громко.

– Я вот что тебе скажу! – проорала она мисс Гринуэй прямо передо мной так, что у меня зазвенело в ушах. – Ничего хорошего из этого не выйдет!

Я не понимала, что она имеет в виду, но прекратила задавать вопросы, потому что на них никто не отвечал.

Мои ночные кошмары стали настолько ужасными, что под глазами появились темные мешки.

– Вашей дочери необходимо больше свежего воздуха! – заявил доктор, когда однажды субботним утром отец сводил меня в больницу.

К тому времени уже наступало лето. Трава пахла по-другому, птицы начали щебетать. Их трели напоминали, как ма-

ма насвистывала песни.

– Мы едем в отпуск! – объявил отец.

Родители однажды возили меня на море, в местечко под названием Девон. Там мы строили песочный замок с настоящими бумажными флажками. Но в этот раз мы ехали не на пляж. Нам предстояло «познавательное путешествие». Оно включало и посещение римской виллы недалеко от места под названием Ньюкасл.

– Смотри, Элли, – сказал отец. – Римляне были такими умными, что у них имелось подземное отопление.

Но меня больше привлекли мозаики.

– Они создавали картины из битого стекла и керамики, – пояснил отец, заметив мой интерес.

Я снова вспомнила о разбитой голубой чашке мамы.

– Я бы с удовольствием этим занималась.

Он улыбнулся, словно я сказала глупость.

– Это не так просто.

– Но если собрать кусочки разбитых вещей вместе, вдруг они снова оживут?

Я ощутила легкость в сердце, словно туда проник луч надежды.

Отец перестал улыбаться.

– Полагаю, что так, – сказал он. Потом быстро обнял меня. – Забавная ты малышка.

Когда мы вернулись после недельного отсутствия, была почти ночь. Но в доме горел свет, а открыв дверь, мы почув-

ствовали аппетитный аромат из кухни. На столе лежала записка: «Ужин в духовке».

– Как это мило со стороны мисс Гринуэй. «Жаба в норке»! Мое любимое.

Позже, когда мы закончили ужинать, отец пошел поблагодарить соседку. Он отсутствовал так долго, что я заволновалась. Вдруг с ним что-то случилось, как с мамой?

Когда он вернулся, то долго меня обнимал. Мне показалось, что я вижу слезы в его глазах.

– Произошло что-то плохое, папочка? – спросила я.

Он улыбнулся, как делают взрослые, когда притворяются, что все в порядке, хотя на самом деле это не так.

– Ничего плохого, Элли. Даю слово.

Если не считать ужасной тоски по маме, нам с отцом вполне хватало общества друг друга. Или мне так казалось.

Я любила сидеть вечерами возле его ног у камина, пока каждый читал свою книгу из библиотеки. Иногда он цитировал мне стихи. Его любимым автором был Джон Мейсфилд. Как мне нравились эти описания моря! Я могла бы вечно слушать папин голос.

Мы играли с ним в настольные и карточные игры, хотя однажды, когда я достала набор для игры «Счастливые семейства» и уже выложила карточку с миссис Бейкер на ковер, он покачал головой:

– Что-то неохота, давай не будем, Элли?

Я тихо убрала игру. Затем постаралась поднять ему настроение, предложив сыграть в шашки и позволив выиграть.

Папа всегда следил, чтобы я делала домашние задания и правильно собирала портфель на следующий день. Каждый день выдавал деньги на обед. А я помогала ему готовить бутерброды, которые он брал на работу в магазин, – так, как их делала мама.

– Мы хорошая команда – ты и я, верно? – сказал он однажды. – Твоя мать гордилась бы тобой.

Он сразу отвернулся, но я успела заметить, что у него мокрые глаза. Поэтому я решила подбодрить его шуткой, которую слышала в школе:

– Почему помидор такой красный?

Отец пытался говорить так, чтобы я не поняла, что он плачет, но его голос дрожал.

– Я не знаю, Элли. Почему?

– Потому что он видел картошку без мундира.

И хотя я не понимала, почему эта шутка считается забавной (и не могла спросить у ребят в школе: они сказали бы, что я глупая), – он улыбнулся. И снова все стало хорошо.

Осенью мы собирали каштаны в парке, и я показала ему, как мама научила меня делать из них маленьких человечков, втыкая булавки вместо рук и ног. Я даже предложила приготовить что-нибудь вместе – что-то из того, что мы обычно делали с мамой. Мы нашли старую кулинарную книгу с одним из ее любимых рецептов. «Мамино особое миндальное

печенье», – приписала она сбоку. Однако, когда мы с отцом взбивали яичные белки, они никак не хотели подниматься.

– Ничего страшного, – весело сказал он. – Мы можем просто купить готовое печенье.

Но это было совсем не то.

– Что мы будем делать на Рождество, Элли? – спросил он, когда в магазинах стали появляться украшения. Мне казалось невозможным встречать Рождество без мамы. – Мы могли бы поехать к твоей тете в Шотландию, если ты не против. Она приглашала.

Мне не нравилась сестра отца. Когда она гостила у нас, то постоянно говорила матери, что я «слишком взрослая себе же во вред», что бы это ни значило.

– Я бы лучше осталась в нашем доме только с тобой, – ответила я.

Он кивнул.

– Хорошо. Я рад, что ты так говоришь.

Так что, когда мисс Гринуэй пригласила нас провести этот день с ней и ее старой матерью, я ожидала, что отец отклонит приглашение. Но он сказал, что это очень мило и что мы не знали, куда себя деть.

– Было бы невежливо отказаться, – пояснил он мне потом.

Папа сказал, что мы должны принарядиться. Так что я надела темно-синее бархатное платье, которое становилось мне мало, и повязала волосы лентой, как Алиса, а отец надел свои лучшие серые брюки и то, что он называл водолазкой (хотя

это не было похоже на костюмы водолазов из моей энциклопедии).

Мисс Гринуэй встретила нас в дверях, хотя мы даже не успели постучать. Она надела красное платье с беспорядочным узором, такое короткое, что открывало колени.

– Ах! Какие шикарные конфеты! – разразилась она восторгом, когда я передала их ей, как заранее сказал отец. – Вам не стоило беспокоиться. И подарки тоже! Вы нас балуете!

– Вовсе нет, – ответил отец. – Я очень благодарен за заботу, которую вы проявили к Элли.

Он слегка подтолкнул меня локтем.

– Да, – произнесла я, вспомнив о хороших манерах. – Спасибо.

Когда мы вошли в гостиную, старуха сидела там в кресле и вязала.

– Я вижу, он притащил и ребенка, – сказала она дочери, как будто нас там не было. – Изображаем счастливое семейство, да?

Мисс Гринуэй покраснела.

– Не беспокойтесь насчет мамы, – шепнула она. – Она слегка заговаривается, особенно после дневного сна.

Но после обеда, когда папа задремал в кресле перед выступлением королевы, а мисс Гринуэй потребовалось подняться наверх, чтобы «освежиться», я вошла в кухню. Старушка мыла посуду. Я заметила, что ее шея покрыта морщи-

нами, как у черепахи.

– Могу я чем-то помочь? – вежливо спросила я.

Она показала мне язык.

– Это очень невоспитанно, – сказала я.

– Не глупи, малявка. Я просто пытаюсь тебя подбодрить, вот и все, – хочу рассмешить.

Я повторила фразу, которую однажды мама сказала отцу:

– Ну, немного странный способ этого добиться.

Она пожала плечами.

– Может, ты и права. – А затем протянула мне полотенце с надписью «Привет из Лайм-Реджис!» – Давай просто продолжим вместе, ладно? А теперь расскажи мне, что сейчас любит молодежь? – Ее глаза затуманились. – Когда я была в твоём возрасте, мы катались на коньках по деревенскому пруду...

После этого мне стало нравиться бывать дома у мисс Гринуэй, потому что я сидела с её матерью, а та рассказывала всякие истории. Рядом с её креслом всегда стояла большая банка тянучек.

– Никогда такое не ела? – ахнула она, когда я сообщила, что мама не разрешала конфеты, потому что они вредны для зубов. – Да ты, считай, и не жила, дорогуша. Давай, попробуй одну!

Они были мягкими, сладкими и утешающими. Когда одна прилипла к небу, мама мисс Гринуэй показала, как отлепить её пальцем.

Это произошло следующим летом, когда мне было восемь с половиной. Отец вошел в мою комнату.

– Как ты посмотришь, если у тебя снова появится мама? – спросил он.

Будь я помладше, подумала бы, что нашли способ вернуть мою настоящую мать. Но теперь я знала, что это невозможно.

– Что ты имеешь в виду?

Его лицо было таким красным, словно он обгорел на солнце.

– Я предложил мисс Гринуэй выйти за меня замуж. Она будет любить тебя так же сильно, как я. Как думаешь – ты сможешь ее принять?

Я вспомнила, как соседка держала меня за руку, когда мы ходили в школу и обратно. Как она готовила вместе со мной кексы «баттерфляй» и помогала с домашним заданием. И как отец казался намного счастливее с ней рядом. Я хотела его порадовать. И кроме того, если я расстрою его, как поступила со своей матерью, он тоже может умереть.

– Да, – сказала я. – Конечно.

Отец нежно и тепло обнял меня.

– Теперь все будет хорошо, Элли.

Я поверила ему.

Дура, что тут скажешь.

Гуацинт (Hyacinthoides non-scripta)

Травники говорят, что он прогоняет ночные кошмары. Однако его луковицы чрезвычайно ядовиты. Некоторые утверждают, что носящий венок из гиацинтов вынужден говорить только правду.

Глава 4

Джо

Я следую за этим парнем, Полом. Мы проходим одну большую пустующую комнату, потом другую. Я начинаю нервничать. Здесь так холодно, хоть волков морозь. «Наше» место, говорил он. Но я здесь больше никого не вижу. Мы останавливаемся.

Здесь сидит женщина – может, чуть моложе меня – рядом с магазинной тележкой, доверху набитой одеждой и одеялами, как будто она возит с собой все свое имущество. Ее голова свесилась вперед. Она, кажется, спит, однако правую руку держит на колесе тележки, словно боится, что ее укатят. Двое мужчин устроились на корточках рядом с ней, распивая какое-то бухло. Один выглядит еще и обдолбанным. Он смотрит на меня с выражением: «Какого хрена тебе здесь надо?»

Из угла доносится лай, и я замечаю ту узкоглазую, со слипшимися в сосульки волосами женщину, которую повстречала сегодня утром.

– Ты! – рычит она. У нее татуировки – синие и красные сердца вверх по руке с переходом на шею.

– Не надо ссор, дамы, – говорит мой спаситель. – Это Джо, народ. Кто-нибудь, дайте ей поесть, ладно?

Никто не шевелится.

– Да мать вашу за ногу, проявите немного гостеприимства! – Пол выхватывает булку из руки сосульковолосой.

– Отдай! Это мое! – голосит та.

Пол разрывает булку напополам.

– Нужно делиться! И ты это знаешь.

Он протягивает мне половину булки. Я отрываю куски и запихиваю в рот.

– Нам самим не хватает, – шипит сосульковолосая.

– Где твои манеры? Надо дать леди шанс.

Давненько никто не называл меня «леди»!

Пол бросает очередной изучающий взгляд.

– С недавних пор на улицах, верно?

– Нет, но я первый раз в Бристоле.

– Фи, – слышу я аристократический голос. – Не люблю, когда люди жуют и разговаривают одновременно.

– Простите. – Я с сожалением проглатываю последний кусочек хлеба. – Я раньше ночевала в каком-то хлеву. Комитет помощи бездомным пристроил меня туда. Они обращались в городской совет в поисках нормального жилья для меня. Но не срослось.

– А что было до этого?

Я надеялась, что он не спросит. Выдаю размытую версию правды.

– Я провела в тюрьме некоторое время, – признаюсь я. – Ничего серьезного. Незаконная торговля и мелкое воровство. Но там была койка и регулярная кормежка. Непросто

снова привыкнуть к свободе, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Понимаю, конечно. Это неправильно, согласны? Они должны больше помогать тем, кто выходит. Пэм может много чего сказать по этому поводу. – Он указывает на обладательницу томного голоса, которая только что отчитала меня за еду во время разговора. – Раньше она была адвокатом, пока не вляпалась. Мошенничество, не так ли?

– Отвали, Пол.

Она говорит это равнодушным тоном.

– Когда она освободилась, ей было некуда идти, подрезала барахлишко, чтобы купить дурь, и снова попалась. Сейчас на свободе – до тех пор, пока опять не сцапают. Как такое называется, Пэм?

Та издает носом фыркающий звук:

– Непрерывный спуск по спирали.

Пол заходится от восторга:

– Никогда не скажет одно слово, если может использовать два! Вот такая наша Пэм. Настоящий адвокат. Это ее способ сказать, что ты достиг дна выгребной ямы. – Он протягивает мне кусок картона в качестве матраса и несколько газет. – Вот. Засуньте несколько под джемпер и поберегите одну, чтобы ночью накрыть лицо. Сами удивитесь, как это согревает.

– Спасибо, – говорю я. Но не могу оторвать взгляда от кучи одеял в магазинной тележке.

– Даже не думайте стащить одно из них, – предупреждает Пол. – Она вам глаза выцарапает. Лучше глотните вот этого. – Он протягивает мне бутылку водки. – Сразу пожар в животе!

Вскоре я чувствую, как тепло расплзается по венам.

– Передавай дальше! – требует мужчина рядом со мной. Он в поношенном костюме в тонкую полоску, как работник офиса, но кайма неподшитых брюк превратилась в бахрому.

Затем появляется женщина с целой коллекцией серебряных колец в бровях, несущая картонные коробки.

– Смотрите, что осталось в пиццерии для нас!

Все бросаются ей навстречу в безумном порыве и набивают рты. Даже женщина с тележкой просыпается и присоединяется к пиршеству.

– Делите на всех! – кричит другой мужчина, оттирая меня локтем в сторону.

Еда кончается прежде, чем я успеваю до нее добраться.

Мой рот переполнен слюной. Я почти чувствую вкус пиццы с расплавленным сыром и помидорами, сбрызнутыми маслом.

– Эй! – кричит тот же мужчина. – Эта сука закрысила лишний кусок! Смотрите, она спрятала его в кардигане!

– Ничего я не крысила! – шипит женщина с тележкой.

Сверкает лезвие.

– Завязывай с этим! – Голос Пола подобен грому. Одной рукой он выхватывает у парня перочинный ножик, а затем

быстро сует другую в карман кардигана женщины с тележкой и вытаскивает кусок пиццы. Он тут же швыряет его на землю и втаптывает каблуком. Нет!

Мне ужасно хочется кинуться к нему и выковырять, но я не хочу выглядеть настолько опустившейся.

– Если вы будете вести себя как неразумные дети, то к вам и отношение будет такое же, – говорит он.

На какое-то время становится тихо. Затем женщина с волосами-сосульками запевает «Долгий путь до Типперэри». Остальные присоединяются, а я просто хлопаю в ладоши и раскачиваюсь из стороны в сторону. То и дело задеваю плечом мужчину в костюме, но он, кажется, не возражает. Впервые за долгое время я расслабляюсь. И хихикаю, как подросток. Мы шумим все сильнее, образовав круг и взявшись за руки.

– Да заткнитесь вы все! – рычит мой ирландский приятель. – Хотите, чтобы приехали копы и забрали нас?

Никто не слушает. Кто-то затягивает песню снова. Это наша песня.

Я отпускаю руки своих соседей и затыкаю пальцами уши.

– Хватит! – кричу я. – Прекратите!

Мне кажется, что легким не хватает воздуха.

– Что на тебя нашло, черт побери? – спрашивает женщина с волосами-сосульками.

– Разве вы не слышали, что он сказал? Нас сцапают, если не прекратим галдеж.

– Да кем ты себя возомнила? – негодует женщина с тележкой. – А зачем ты все время вот этак потираешь руки и суетишься? Эта хрень сводит меня с ума.

Я не знаю, что ответить.

– Оставьте ее в покое! – кричит Пол. Парень явно пользуется среди них авторитетом. Все разбредаются по прежним местам. Я ложусь на картонку, поджав ноги. Некоторые прижимаются друг к другу, чтобы согреться. Но я сама по себе. Это нормально. Я к такому привыкла.

Другого выхода нет.

Глава 5

Элли

Мне доверили нести букет на свадьбе отца. Я надела красивое бледно-розовое платье, сшитое для меня мисс Гринуэй по выкройке, которую она называла «упрощенной», а в руках я держала кремово-белые розы. Все смотрели на меня. От этого я чувствовала себя вполне взрослой. Ведь мне уже совсем скоро девять лет! Это будет мой второй день рождения с тех пор, как ушла мама. Иногда я все равно надеялась – вдруг она не умерла насовсем, а просто исчезла на время. Сейчас же осознаю, что это мой разум пытался защитить меня от правды.

Теперь, действительно став взрослой, я могу понять решение отца снова жениться спустя два года после смерти мамы. В значительной степени, я уверена, оно проистекало из стремления обеспечить мне жизнь в нормальной семье. Полагаю, он страдал от одиночества. В конце концов, ему было лишь слегка за сорок. Но тогда я чувствовала себя сбитой с толку. Мисс Гринуэй так отличалась от мамы. Дело было не только в ее светлых волосах и дребезжащем голосе и не в том, как она повисла на руке отца, словно боялась свалиться с воображаемого обрыва. И даже не в том, что она кривлялась – произнесла «О, да-а-а-а-а» вместо «Да» во время церемонии. Она просто не была мамой.

Однажды мы все отправимся на небеса. Нас так учили в школе. И я размышляла, наблюдая, как отец целует мисс Гринуэй в губы у алтаря – что же скажет мама, когда мы туда попадем? Все это казалось таким запутанным...

Когда мы вышли из церкви, я постаралась перепрыгнуть трещину в асфальте. «Видишь, – мысленно сказала я маме, – я не забыла».

Потом был прием в ресторане большого отеля, где официанты открывали передо мной двери, как будто я взрослая! Пришли мои дядя и тетя с отцовской стороны, но не было никого из родных мамы. Мы сидели за столом в конце зала и ели что-то под названием «коко вэн»⁴, а потом вкусный шоколадный пудинг.

– Теперь ты должна называть меня мамой, – сказала новая жена отца, обнимая меня. Она прижалась ко мне щекой – мягкой, вялой и пахнущей совсем не так, как мамина.

Да неужели? Я вопросительно взглянула на отца.

– Просто Шейлой пока достаточно, – сказал тот, хотя голос его прозвучал неуверенно.

Мне было трудно думать о мисс Гринуэй как о «Шейле», не говоря уж о «маме». Но я не хотела проблем. Хорошая девочка не должна делать и говорить ничего такого, что мо-

⁴ «Cocko van» по-английски означает примерно «фургон петушатины» и звучит не вполне прилично. Cock («петух, петушок») имеет второе значение «член», а cocko – «гей». А имеется в виду французское блюдо *coq au vin* – петух в вине, кок-о-вен. Для классического рецепта требуется именно петух, но в современном используется просто курятина.

жет кого-то расстроить.

– Ха! – гоготнула старая миссис Гринуэй, которая тоже там была. – Мамой, ишь ты!

– Мама! – сказала мисс Гринуэй. Ее щеки слегка покраснели. – Пожалуйста, постарайся сдерживаться. И кажется, тебе уже хватит шампанского.

– Чепуха и вздор. Я просто хочу налить немного малышке. Держи, Элли. Выпей! Ведь не каждый день у тебя появляется новая мать.

– Вообще-то, Эйлин, – вмешался отец, – я бы не хотел, чтобы моя дочь пила. Она еще слишком юна.

– Но тогда ей самое время брать от жизни все, верно? – Старушка покачала головой. – Иначе она состарится прежде, чем успеет ею насладиться, как произошло с моей дочерью. Никогда не думала, что она найдет себе мужа, скажу я вам. Однако надо отдать ей должное. У нее довольно быстро получилось устроиться в постели, согретой другой. Да, Шейла?

Что же плохого в том, чтобы успеть забраться в теплую постель, думала я. Мама всегда клала мне туда грелку перед сном. Наоборот, глупо ждать, пока она остынет.

– Я считаю, мы все должны немного успокоиться, – сказал отец. На его лице застыло выражение, которое мама обычно называла «напряженным». – А, хорошо, несут очередное блюдо.

– Ну наконец-то! Я успела опять проголодаться. Они называют себя «пятизвездочным»? Всегда считала, что это

только для пущего шику. Вроде как моя дочь строит из себя утонченную, чтобы не показать свое нутро свежее испеченному мужу.

– Мама! Достаточно!

– Я, пожалуй, не откажусь от еще одного кусочка свадебного пирога! – заявила старушка. И тут же принялась запихивать в рот второй кусок, словно кто-то собирался его отнять.

– Прости, – прошептала мисс Гринуэй – отныне Шейла, – подобрав длинное белое платье и наклонившись ко мне. – Моя мама просто немного переволновалась. И поэтому говорит глупости.

– Все в порядке, – смущенно ответила я.

– Я имела в виду только то, что сказала, дорогая. Действительно хочу, чтобы ты называла меня мамой. Всегда мечтала иметь такую дочь, как ты. – Ее глаза увлажнились. – Я думала, что уже слишком поздно для того, чтобы завести семью. – Она крепко сжала мою руку. Это было больно, но я не хотела ее отдергивать. – Мне так повезло.

* * *

Шейла переехала к нам и перевезла миссис Гринуэй.

– Почему она не осталась в своем доме? – спросила я отца.

– Потому что она не настолько здорова, чтобы твоя мама могла позволить ей жить одной.

Прошло несколько секунд, прежде чем я поняла, что он имеет в виду Шейлу.

– Твоя мама серьезно относится к своим обязанностям, – добавил он. – Это одно из качеств, которые мне в ней нравятся.

Он говорил так, словно моя настоящая мать не делала того же самого. И я обиделась за нее.

– К каким обязанностям? – спросила я.

Отец переминался с ноги на ногу.

– Ну... например, заботиться о людях, которые от нее зависят.

Таких, как миссис Гринуэй? Но, как по мне, она не выглядела зависимой. На втором этаже у нее была своя гостиная, где всегда очень громко работал телевизор. Она обычно смотрела смешные передачи, вроде шоу Дэвида Никсона (благодаря которому я поверила, что магия существует, несмотря ни на что!) – в отличие от серьезных, таких как «Завтрашний мир» или новости, которые нравились отцу. Иногда я сидела под дверью и слушала ее телевизор. Это приятней, чем проводить время с супругами, которые постоянно тискались и шептались, прежде чем сказать мне, что пора идти спать.

Так я и сидела однажды вечером, когда старушка неожиданно открыла дверь, застав меня врасплох.

– Хочешь – так входи, – сказала она. – Чего ты ждешь?

Это стало нашим ежевечерним обычаем. Я усаживалась

рядом с ней на маленьком диване среди подушек с изображениями тореадоров. Она с гордостью сообщила, что купила их в Испании во время отпуска по системе «все включено». Еще она говорила мне вещи, которых я не понимала.

– Будь начеку с моей дочерью. Она может казаться самой нежностью и добротой. Но если ты не сделаешь так, как она хочет, – она в ту же секунду ополчится против тебя...

Миссис Гринуэй немного помолчала, словно собираясь сказать что-то еще. Но передумала.

– Что? – спросила я.

– Ничего, дитя мое. – Она потрепала меня по руке. – Просто забудь, что я сказала.

Тогда я не придавала большого значения нашим беседам. Ее мысли «путались», как говорил отец. Кроме того, «мама», как я изо всех сил старалась называть Шейлу (я не могла сказать ей ни «мамочка», ни «мамуля»), была со мной очень мила. Она покупала новую одежду – моим любимым было красивое красное платье в белый горох. И часто делилась всякими лакомствами вроде шоколадных батончиков с фруктово-ореховой начинкой и обнимала меня.

Иногда по ночам, когда молилась, я чувствовала себя виноватой.

– Господи, пожалуйста, скажи мамочке, что я всегда буду любить ее больше всех.

Мне оставалось лишь надеяться, что она получит это сообщение.

(На днях, когда нам разрешили посетить тюремную часовню, я поймала себя на том, что снова произношу ту же самую молитву.)

По выходным, когда отец бывал посвободней, мы выезжали на семейные прогулки. Это значило, что мы с миссис Гринуэй сидели на заднем сиденье автомобиля и сосали ириски, которые она тайком подавала мне из своего кармана, в то время как моя новая мать восседала спереди рядом с отцом, крутившим баранку.

Время от времени мы ходили гулять в лес и собирали цветы. Я сушила их между страниц детской энциклопедии, как учила моя настоящая мама. Потом, как и раньше, помещала их в альбом и искала названия в своей книге о полевых растениях. В конце лета и осенью мы с моей настоящей мамой обычно собирали ежевику и варили варенье в большой кастрюле. Я всегда наблюдала, как она процеживает его через большую марлю, привязанную к ножкам перевернутой кухонной табуретки. Но когда я спросила свою новую мать, можем ли мы сделать так же, она рассмеялась, как будто я сказала что-то глупое.

– Я не из тех, кто варит варенье.

Странно, но она совсем перестала готовить выпечку теперь, когда мы жили все вместе. Куда-то исчезли и кексы «баттерфляй», и пироги по-пастушьи, и «жаба в норке». Вместо этого мы питались в основном рыбными палочками и новым блюдом под названием «арктический рулет», пото-

му что они были «легче».

Иногда, если светило солнце, мы отправлялись к пабу, куда мой отец и новая мать заходили выпить, пока мы с миссис Гринуэй сидели в саду с лимонадом и пакетами чипсов.

– Теперь она долго не сможет сюда ходить, – сообщила моя компаньонка в один из таких выходных, тыча пальцем в мою новую мать, исчезающую в пабе под руку с отцом.

– Почему? – Я догрызала свой последний чипс, стараясь закончить пакетик одновременно с миссис Гринуэй. Мы обе были не прочь купить еще парочку, но у нас не было денег.

– Потому что она в положении, вот почему.

– В каком положении?

– Ох, дорогуша. Не бери в голову. Придет время, и ты все узнаешь.

Вскоре после этого, перед возвращением отца с работы, моя новая мать приготовила рыбные палочки. Она готовила их пятый вечер подряд.

– Извини, – сказала я, насадив одну из них на вилку. – Но мне от них уже дурно.

Я думала, Шейла скажет, что ничего страшного и она сейчас даст мне что-то другое. Но она пронзила меня неодобрительным взглядом.

– В таком случае, юная леди, можете ступать прочь из-за стола. Во время войны мы посчитали бы за счастье такую прекрасную еду. Тебе следовало бы радоваться, что она у нас есть.

Тем же вечером, когда снаружи завывал зимний ветер, папа, как всегда, пришел перед сном подоткнуть мне одеяло.

– Я хочу с тобой кое о чем поговорить, – сказал он.

– Это как-то связано с рыбными палочками? – с тревогой спросила я.

– Что? Нет. При чем тут они?

– Да неважно, – быстро ответила я.

И попробовала угадать снова. Мы с папой часто играли в «угадайку», когда жили одни. Он всегда говорил, что я быстро соображаю и что я «умная девочка».

– Тогда о том, что Шейла в положении?

Его лицо приняло удивленное выражение.

– Ты знала?

– Миссис Гринуэй мне сказала. Но не сказала в каком. В каком она положении?

Он улыбнулся.

– В очень, очень интересном положении! Она ждет ребенка, Элли! Братика или сестричку для тебя! Разве это не чудесно?

Я выпрыгнула из постели и обвила руками его шею. Наконец-то мне будет с кем поиграть! В этом доме появится кто-то, с кем можно поговорить и кто не будет старше меня! Я стану такой же, как и все остальные девочки в школе.

– Спасибо, папочка! Спасибо!

Но позже, читая молитвы, я ощутила горечь. Моя настоящая мама так сильно хотела ребенка.

– Я надеюсь, ты не против, – прошептала я в темноту. – Я все равно люблю тебя больше всех. Провалиться мне на этом месте, если вру!

Мой нос все еще кровоточит, когда я прихожу в школу. Несколько недель назад, когда я появилась с синяками на предплечье и учительница поинтересовалась, откуда они, – я ответила, что споткнулась в парке.

Сегодня я говорю, что меня поцарапал наш кот, хотя в нашей квартире не разрешено содержать домашних животных.

Они говорят, что должны позвонить кому-то, кто называется «социальный работник».

Это милая дама по имени Джилл. Меня вызвали из класса для разговора с ней. Я рассказываю ей и о других вещах, которые отец делает со мной, и что моя мать не останавливает его, потому что боится.

Она говорит, что я теперь в безопасности. Я больше не должна беспокоиться, потому что никто больше не причинит мне вреда.

Может, это означает, что у меня теперь будет что-то на ужин. Я не могу спать по ночам, когда голодная.

Глава 6

Джо

– Джо!

Я не вижу лица, но мне знаком голос, окликающий меня.

Я открываю рот, чтобы крикнуть «Помогите!» – но слова застревают в горле. Сильные руки обматывают что-то длинное и гибкое вокруг моей шеи и туго затягивают. Мне нечем дышать. Вот оно как, говорю я себе. Я чувствую себя почти спокойно. Так вот на что похожа смерть.

Затем я ощущаю резкий тычок в ребра.

– Заткнитесь, дамочка. Некоторые из нас пытаются хоть немного поспать.

Облегчение охватывает, когда я открываю глаза. Это всего лишь вернулся старый ночной кошмар. «Это только сон, – твержу я про себя снова и снова. – Не по-настоящему».

Но тело не верит. Оно продолжает дрожать, хотя я не понимаю почему. Как будто в глубине души я ведаю что-то, чего не знает остальная часть меня.

Заснуть снова совершенно невозможно, потому что мое газетное одеяло промокло от росы. Я бреду к разбитым фабричным окнам, разминаю окоченевшие конечности и всматриваюсь в небо. Оно в розовых полосах. Может, мы и в центре крупного города, но сейчас я слышу только тарахтение старого автомобиля или мотоцикла, проезжающего мимо.

До меня доносится вой сирены. Я поспешно удираю обратно на безопасный картонный матрас и сворачиваюсь на нем, пытаюсь справиться с дрожью, пока не начинают просыпаться остальные.

– Ты всю ночь не давала нам спать своими кошмарами, – ворчит парень с зелеными волосами.

У меня бегут мурашки по коже.

– Что я говорила?

– Не знаю. Чепуху какую-то.

– Не ссорьтесь, – говорит похожая на птичку маленькая женщина, которую я раньше не замечала. Она водит пальцами по своим длинным волосам, как расческой. – Не могу дожидаться, когда выберусь отсюда. Теперь уже недолго. Я в списках. Скоро они меня куда-нибудь пристроят.

– Ты говоришь так вот уже несколько месяцев! – фыркает мужчина в костюме.

Надо мной стоит Пол. Сегодня он выглядит по-другому.

– Вставай, Джо! – резко бросает он. – Пора собираться.

– Куда?

– Сперва в туалеты на автобусной станции. Это стоит двадцать пенсов. Там сможешь слегка помыться, прежде чем приступишь к работе.

– Но у меня сейчас нет работы. Обычно я торговала «Большой проблемой»...

– Забудь об этом, – перебивает меня хорошенькая девушка со светло-коричневой кожей. – Здесь таких продавцов и

без тебя полно.

Пол обнимает ее одной рукой:

– Фадума предпочитает пользоваться своей внешностью, да, любовь моя? Иди и наштукатурься как следует, будь хорошей девочкой. Может, у тебя получится научить Джо.

Она кидает на меня такой взгляд, будто я дрянь, которую притащила кошка.

– Ты что, обалдел? Мужчин не интересует старая карга с обвисшей грудью.

Я взвиваюсь:

– Ах ты, чертова соска!..

Мой ирландский приятель встает между нами.

– Не принимай Фадуму за врага. Она просто такая, как есть.

– Я не проститутка, – говорю я.

Глаза Пола сужаются.

– А я не сутенер. У тебя хватает наглости так разговаривать после всего, что я для тебя сделал? – Он качает пальцем перед моим носом. – Фадума не торгует собой, поняла?

– Ни за что, черт побери! – шипит та. – Но ты все равно можешь заставить людей платить, не прикасаясь к тебе.

Я ничего не понимаю.

– С нами она может вести себя как царапучая кошка, но у Фадумы есть шарм, веришь или нет. Она использует свою внешность, чтобы смягчить сердца людей. – Пол говорит так, словно он ее хозяин. – Просит прохожих дать ей пару фун-

тов, чтобы оплатить «автобус до работы». Несколько таких каждый день – и ты дома и в шоколаде.

Хитро придумано.

Он смотрит на меня, словно оценивает.

– Но тебе лучше заняться неприкрытым старомодным попрошайничеством. Люди станут давать деньги, потому что ты напомнишь им маму, как мне напомнила мою. Тебе нужно просто найти местечко неподалеку от автобусной остановки и выставить вот эту табличку. Смотри. Я нарисовал для тебя.

Я просто не смогу этого сделать. Среди людей...

Он протягивает кусок картона. На нем толстыми крупными черными буквами намалевано: «Я пенсионерка. У меня нет дома, и я голодаю. Прошу помощи».

Пол ухмыляется, вполне собой довольный:

– Я угадал с возрастом? Я все правильно понял?

– Нет, черт побери! Неправильно. Я не настолько старая!

– Ох, прости. Тогда лучше это переписать. Я не люблю лгать.

Женщина с волосами-сосульками и собакой фыркает.

– Правда, что ли, Пол?

– Хватит об этом. Я верю в нашу новенькую. – Он касается моей руки в знак того, что мы снова друзья. – У нас еще не было дамы в возрасте. Такие всегда заставляют кошельки раскрываться.

Он бросает на меня еще один взгляд.

– Так, а теперь о правилах, Джо. Не снимай шапочку. Бри-
тая голова смотрится угрожающе. Если кто-то даст тебе еду,
ты можешь съесть немного сама, но большую часть должна
принести сюда для всех остальных. Все денежные пожертво-
вания тоже должны поступать сразу сюда. Так мы работаем.
Не пытайся что-то утаить. Мы будем тебя проверять. – Он
хлопает меня по спине. – За дело! И не забудь сперва по-
мыться. Никто не захочет приближаться к тебе, если ты бу-
дешь вонять.

Окоченевшая от холода и голода, я бреду к автовокзалу,
постоянно оглядываясь через плечо. Я не знаю, что делать. Я
чувствую себя в большей безопасности с кем-то вроде Пола,
который будет за мной присматривать, но не хочу просить
милостыню. Мое сердце стучит чаще, когда я вижу, что за
мной идет высокий мужчина, однако он сворачивает в пере-
улок. Уже настоящее утро, а небо все равно темно-розовое.

Множество людей выходят из автобусов и проходят ми-
мо, одетые для работы. Что бы я только не отдала за уютную
офисную работу в тепле. А затем я подхожу к месту, где вы-
прыгнула из автобуса позапрошлым вечером.

Какая-то женщина пытается втолкнуть вверх по пандусу
коляску с кричащим ребенком.

– Вам помочь, дорогая? – спрашиваю я, но она не обра-
щает внимания, будто меня здесь нет.

Я спешу через главную площадь, опустив голову вниз.
Мимо ларька с кофе и круассанами. Мой рот полон слюны.

На стене висит плакат: «На нашей территории запрещено современное рабство и торговля людьми».

Наконец я нахожу туалеты. Отчаянно хочу по малой нужде. Утром не смогла заставить себя присесть на корточки в углу, как все остальные. Женщина с неброской внешностью и в деловом костюме входит в туалет одновременно со мной. Она бросает на меня косой взгляд, словно говоря: «А ты что тут делаешь?»

Какое облегчение – сесть на нормальный унитаз в уединении. Затем я подхожу к одному из умывальников. Горячая вода! Какое прекрасное ощущение. Я ополаскиваю лицо и выдавливаю немного жидкого мыла, намыливаю голову и смываю. Кайф.

– Извините, – говорит эта Наглая Морда. – Не могу поверить, что вы собираетесь сделать это здесь.

Слишком поздно. Я уже сделала. Потом я снимаю свой анорак, футболку и намыливаю подмышки еще одной пригоршней мыла.

Девушка в темно-синем костюме и туфлях на высоком каблуке возле соседнего умывальника шархается в сторону. Я сую голову под сушилку – пускай у меня и нет волос, но это все равно приятно, – а затем одеваюсь и захожу в одну из кабинок. Возможно, я смогу спрятаться здесь на несколько часов и сообразить, что делать.

Я решительно не могу просить подавание, как велел Пол. Табличку, которую он мне дал, я уже выбросила в мусорное

ведро.

Спустя некоторое время я слышу, как возмущаются люди снаружи.

– Эта уже целую вечность занята.

Кто-то стучит в дверь:

– Побыстрее там!

Я молчу. Проходит час, возможно, два, пока я сижу и клюю носом в тепле.

И тут это происходит.

Я вижу сверкающие черные ботинки под дверью. Снова стук. Более требовательный. Меня бьет дрожь.

– У вас там все в порядке?

Раздается шорох, словно кто-то шарит по полу.

Рукав черной униформы.

Это полиция!

– Лучше выбить дверь и посмотреть, все ли с ней нормально.

Ничего другого не остается. Мне приходится открыть.

– Я в порядке, – говорю я, сняв шапочку и отпирая дверь. – Просто живот скрутило.

Женщина в полицейской форме сужает глаза.

– Правда? Скорей похоже, что вы прячетесь от кого-то или чего-то.

– С чего вы так решили?

– Не надо вести себя так агрессивно.

– Я и не веду, – отвечаю я, чувствуя, как руки сжимаются

в кулаки.

– Как ваше имя?

– А в чем дело? Я не совершила ничего плохого.

Она смотрит на меня, словно уже видела раньше.

– Я думаю, нам следует отправиться в полицейский участок и установить вашу личность. Пройдемте, пожалуйста.

На нас таращится целая очередь людей. Мое горло сжимается от паники. Я должна как-то выбраться из этого положения.

– Отпустите даму! – требует женщина в толпе. Это одна из шайки Пола, понимаю я. – Прекратите ей угрожать! – продолжает та. – Как она и сказала – она не сделала ничего плохого!

Кое-кто из остальных посетителей теперь тоже поддерживает меня. Возникает неразбериха. Нелепая ситуация. Полицейская, кажется, и сама сомневается. Я использую ее замешательство, чтобы выскользнуть из туалета, и бегу от автовокзала так быстро, как только могу. Через главную дорогу. Мимо кафе и офисных зданий. Впереди виднеется парк. Как раз то, что надо. Вдруг я смогу там спрятаться.

Не спрашивайте почему, но я уверена, что от этого зависит моя жизнь.

Боярышник (Crataegus monogyna)

В старину это растение связывали с плодовитостью. В первый день мая молодые женщины брали цветущие ветки

боярышника и держали их близко к сердцу, чтобы привлечь будущего мужа. Также известен как защитное дерево, помогающее укрыться от бурь.

Глава 7

Элли

Время здесь течет очень медленно. Каждая минута кажется вечностью на пути к свободе – или нет. Возможно, так у многих взрослых, не только у сидящих в тюрьме. Но когда ты ребенок, время идет по-другому. Когда я оглядываюсь назад на свое детство, мне кажется, что были периоды жизни, которые запечатлелись в памяти небольшими стойкими пятнами, – например, когда умерла мама. А другие пронеслись мимо – такие, как беременность моей новой матери. Младенцу требуется девять месяцев, чтобы вырасти в животе, а тогда мне показалось, что прошло всего несколько недель. Только став старше, я поняла, что Шейла, должно быть, выходила замуж уже беременная.

К моему восторгу, мне разрешили помочь моей новой матери подготовиться к рождению малыша. В первый раз после свадьбы меня пригласили в их спальню. Тот старый деревянный шкаф исчез, а на его месте появился белый, с раздвижными дверями, украшенными зеркалами. Мамин красивый викторианский туалетный столик тоже убрали, вместе со всеми безделушками и фотографиями. Его заменили на соответствующий новой обстановке. На нем стояло зеркало, которое наклонялось вверх и вниз, если его потрогать. (В тюрьме нам не разрешают иметь зеркала, на случай если мы

их разобьем и используем осколки, чтобы пырнуть кого-то или порезаться).

Но предметом, который действительно привлек мой взгляд, была новая большая кровать с темно-бордовым покрывалом, про которое отец сказал, что оно сделано из «свечных фитилей»⁵.

Было так странно думать, что отец каждую ночь спит в этой постели с женщиной, которая не моя мамочка. Еще в комнате стояли комод и магазинные сумки с белой детской одеждой внутри. Мне поручили положить ее в ящики.

– Спасибо, Элли, – сказала Шейла. – Ты прекрасно справилась с работой.

После этого она вытащила вещи и переложила по-своему. На мой взгляд, ничего не изменилось, но она выглядела довольной.

– Ты ничего не имеешь против ребенка? – спросила меня подружка в школе.

– С чего бы мне?

– Ну, по нему понятно, что они этим занимаются, – хихикнула она.

– Что ты имеешь в виду?

Еще одна девочка засмеялась:

⁵ Candle wick – свечной фитиль – Элли путает с плетеной хлопковой тканью, candlewick, название которой пишется слитно и произошло от сходства используемых нитей с фитилями.

– Разве ты не знаешь?

Мне не хотелось выглядеть глупой, поэтому я сделала вид, что до меня внезапно дошло.

– Ах, это, – сказала я беззаботно. – Теперь я понимаю, о чем ты.

Но я не поняла.

И вот однажды на уроке биологии учительница объявила, что мы начинаем изучать «размножение». По классу прокатилась волна смеха. «Твой отец и новая мать все об этом знают!» – прошептала подружка, которую я стала недолюбливать после этого.

Мы все сидели перед большим экраном, на который падал луч проектора, как в кино. Отец обычно водил меня каждую субботу на утренние сеансы в наш местный кинотеатр «Одеон», но мы там не были уже целую вечность. Сейчас, в кабинете биологии, на экране появилось изображение чего-то, слегка похожего на луковицу. Пока мама не заболела, мы с ней сажали такие осенью, а весной из них прорастали зеленые побеги.

– Это матка, – сказала учительница. – Она у женщины в животе.

Следом шла картинка с изображением маленького головастика, который назывался «сперматозоид».

– Они образуются в организме мужчины. Множество их попадает в матку, но лишь один оплодотворит яйцеклетку. Это означает, что зародилась новая жизнь. А затем ребенок

начинает развиваться.

В классе снова захихикали. Это показалось мне невежливым. И я задала вопрос:

– А как головастик попадает в матку?

Еще несколько девочек выглядели так, будто тоже этого не понимали. Но подружка толкнула меня в бок.

– Это потому что мужчина и женщина занимаются сексом, тупица! – прошипела она. – Так же, как твой отец! Моя мама говорит, что это отвратительно – так скоро после смерти твоей бедной матери.

Неужели правда? А зачем?

Тем же вечером я зашла к миссис Гринуэй и повторила вопрос. Я надеялась, она скажет, что моя подружка просто глупая. Но она молчала несколько минут, хотя телевизор продолжал греметь ее любимым сериалом «Улица Коронации», который я никогда раньше не смотрела, – она всегда включала либо его, либо «Перекресток», и я никак не могла решить, который мне нравится больше.

– Некоторые люди могут говорить, что твой отец нашел кого-то слишком быстро, – сказала она наконец. – Но прошло уже почти два года, и кроме того, он был одинок. Мужчины не всегда сами справляются со всеми делами. Ему нужна была женщина, чтобы присматривать за тобой. И моя дочь тоже нуждалась в муже. Время поджимало. Она всегда отчаянно хотела ребенка.

Никогда прежде я не слышала, чтобы старушка так долго

говорила серьезным голосом, без обычного хихиканья.

Затем миссис Гринуэй вздохнула:

– Она считала, что уже слишком поздно, чтобы иметь собственного ребенка. Значит, была недостаточно осторожна.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего. – Она встряхнула плечами. – Не слушай меня. Твой отец прав. Я должна научиться держать свое мнение при себе. А теперь – как насчет того, чтобы чего-нибудь съесть?

Поднявшись, старушка прошаркала к сверкающему золотистому столику-тележке, на котором держала свои чайные чашки, чайник и красивую жестянку печенья с изображением котика. Ее пальцы с трудом открыли крышку.

– Чертов артрит, – проворчала она.

– Может, вам помочь?

– Спасибо. Ты добрая девочка.

Потом она похлопала меня по плечу, и мы принялись уплетать шоколадное печенье.

– Мы с тобой в одной лодке, ты и я. Остается только надеяться, что все будет в порядке, когда родится ребенок.

– А что может случиться? – спросила я, когда мы устроились на диване смотреть телевизор.

– Все изменится, поверь мне.

– Я не понимаю.

Она снова потрепала меня по плечу.

– Даже если бы поняла, ни ты, ни я ничего не можем с этим

поделать. Не рассказывай об этом разговоре отцу, иначе мы обе попадем в беду. А теперь тсс. Реклама закончилась. Мы же не хотим пропустить следующую часть, да?

Я поймала себя на том, что прижимаюсь к ней. От нее исходило утешение, особенно нужное, когда все снова менялось из-за предстоящего рождения ребенка.

– А можно я буду называть вас бабулей? – спросила я неожиданно для самой себя. – Мне всегда хотелось иметь бабушку, как у остальных девочек в школе. Мои бабушки и дедушки все умерли до моего рождения.

Ее лицо покраснело. На мгновение мне показалось, что я обидела ее. А затем она просияла и обняла меня.

– Я вовсе не возражаю, – сказала она со слезами на глазах. – Наоборот, мне бы очень этого хотелось. Надо нам предупредить тех двоих. – Она усмехнулась. – Представляю, что моя дочь вообразит по этому поводу! Пожалуй, решит, что мы объединились против нее.

Приближалось Рождество. Это обычно волнующее время, потому что мой день рождения следовал сразу за ним. Все вокруг менялось в предвкушении праздника. Я любила сверкающие огни и когда люди счастливы, придумывала, что они празднуют и мой особенный день тоже. Мама часто говорила, что я стала для нее лучшим подарком из всех, о которых только можно мечтать.

С тех пор как она умерла, у нас с отцом не было елки. Но

на этот раз в холле стояло огромное дерево со множеством завернутых подарков под ней.

– Да уж, не такой большой, как подарочек в животе моей дочери, – хрипела бабушка Гринуэй, когда мы тыкали пальцами и ощупывали коробки в надежде угадать, что внутри. – По их подсчетам, она должна родить через пару недель или около того.

– А как они его достанут? – спросила я.

Она кинула на меня острый взгляд.

– На твоём месте я бы не спрашивала. Это только напугает тебя до полусмерти. – Она вздрогнула. – Если бы кто-то сказал мне, каково это на самом деле, я, наверно, никогда не подпустила бы к себе мужчину.

– Что ты имеешь в виду?

Она отмахнулась:

– Неважно. Лучше заведи для меня мелодию на этой твоей драгоценной музыкальной шкатулке.

В прежние времена в канун Рождества мы ходили в городскую церковь на рождественскую службу петь гимны для детей. Каждому ребенку там давали небольшой подарок. Однажды я получила маленького шелкового ангела, чтобы вешать на елку. Я не знаю, куда он потом подевался. Множество вещей с той поры, казалось, исчезли после того, как моя новая мать «немного прибралась».

– Это обязательно? – простонала она, когда отец предложил пойти на службу. – У меня спина болит.

– Ну, раз ты не хочешь, то не пойдем, дорогая.

– Но мы же всегда ходим! – вырвалось у меня. – Пожалуйста, папа!

Отец колебался.

– Мы можем сходить вдвоем, если ты не против.

Он разговаривал с моей новой матерью так, будто меня не было в комнате.

Она пожала плечами.

– Ступайте.

Это была прекрасная служба. Мы сидели рядом с Питером Гордоном и его родителями, пели любимый гимн моей настоящей мамы – «Там, в яслях». По окончании миссис Гордон крепко меня обняла, а Питер пожелал «счастливого Рождества» с некоторой неловкостью, словно понимал, что это особенно непростое для меня время. Потом многие гладили меня по голове. Какие-то люди говорили отцу, что «желают ему добра». Он крепко сжимал мою руку, пока мы возвращались домой.

– Я знаю, что жизнь бывает тяжелая, Элли. Но теперь все будет хорошо.

Когда мы подходили к дому, отец вдруг рванул вперед.

– Что случилось, папа? – крикнула я. – Подожди!

Возле дома стояла «Скорая помощь». Мою новую мать заносили туда на носилках.

– Началось, – всхлипнула она. – Я же просила не оставлять меня одну!

Это была неправда! Она разрешила нам пойти.

– Дорогая! Пожалуйста, прости. Не волнуйся. Теперь я рядом. Я поеду с тобой.

– Можно мне с вами? – попросилась я. Папа выглядел расстроенным. Я ведь пригожусь ему там?

– Нет! – отрезал отец. К моему ужасу, он подтолкнул меня к дому так, как будто не хотел иметь со мной никаких дел. – Иди внутрь, Элли. Миссис Гринуэй за тобой приглядит.

– Из-за тебя я наступила на трещину в асфальте! – взывала я.

– О чем ты говоришь? Просто зайди внутрь, ладно?

На Рождество мы с бабушкой Гринуэй не сообразили, как приготовить индейку, так что вместо нее ели нарезанную ветчину из холодильника. Мы с тоской поглядывали на подарки под елкой.

– Лучше не трогать, пока они не вернутся, – сказала бабушка.

Я согласилась, хотя мне не терпелось узнать, что же внутри. Потом мы допоздна сидели и смотрели фильм «Эта чудесная жизнь». Я так утомилась, что задремала прямо на ее плече. Когда я очнулась, она обнимала меня одной рукой. Мне было тепло и уютно. Пожалуйста, пусть моя новая мать не торопится с возвращением, подумала вдруг я и тут же устыдилась такой неподобающей мысли.

На следующий день я проснулась с новым ощущением.

Мне уже девять! А не восемь, как было вчера.

– Сегодня мой день рождения! – сказала я миссис Гринуэй.

– Поздравляю, дорогая! – ответила она. Но я не видела никаких подарков. Наверно, папа принесет их, когда вернется из больницы.

Затем я почувствовала себя эгоисткой, потому что думаю о своих подарках, когда моя новая мать лежит в больнице. На завтрак у нас с миссис Гринуэй были вареные яйца. Они получились вкрутую, а не всмятку, однако я съела их из вежливости. Наконец отец вернулся. Он выглядел усталым, но улыбался.

– Теперь у тебя есть братик! – сообщил он.

Никогда раньше я не видела отца таким счастливым. Даже когда моя настоящая мама была жива.

Я запрыгала на месте от возбуждения. Братик! Я буду приглядывать за ним и играть с ним. Я буду любить его вечно, и он тоже будет любить меня.

– Когда я смогу на него посмотреть? – спросила я.

– Можем навестить их сразу после обеда, если хочешь.

Оставшиеся часы я провела в нетерпении. Мы с бабушкой Гринуэй сидели на заднем сиденье машины, держась за руки. Время от времени она крепко сжимала мою ладонь, словно говоря: «Не волнуйся».

О чем? Из-за чего нервничать?

Моя новая мать лежала в отдельной палате. Она сидела на

кровати с белым свертком в руках.

– Иди поздоровайся с братишкой, – сказал отец.

Я подошла на цыпочках. Он был такой крошечный! С таким смешным лицом! Таким красным и сморщенным.

Моя новая мать не отрывала от него глаз, не обращая на меня никакого внимания.

– Хочешь поддержать его, Элли? – спросил отец.

Что, правда можно? Но я никогда раньше не держала ребенка.

– Садись на этот стул у кровати и выстави руки вот так, – пояснил отец, показывая. Я осторожно сделала, как велено. – Вот, правильно.

Моя новая мать колебалась.

– Дай ей малыша, дорогая, – произнес отец. – Для Элли очень важно почувствовать с ним близость.

Она положила маленький сверток на мои колени. Я едва дышала от груза любви и ответственности.

– Привет, – прошептала я. – Я твоя старшая сестра и буду любить тебя до скончания веков.

Он вдруг трепыхнулся, и у меня задрожали руки.

– Держи его, Найджел! – раздался крик.

Отец подставил ладони, и в тот же миг моя новая мать выхватила у меня белый сверток.

– Ты могла его уронить, глупая девчонка!

Я разрыдалась.

– Мне очень жаль. Я не хотела!

– Все в порядке, – успокаивал меня отец.

Но я дрожала от страха при виде разъяренного лица моей новой матери. Мой маленький брат расплакался, как будто тоже на меня рассердился.

– Пойдем, – сказала бабушка Гринуэй, обнимая меня за плечи. – Давай оставим их в покое. Я никогда особо не любила младенцев. Ничего в них интересного, на мой взгляд. Вызови нам такси, ты!

Последняя фраза была адресована моему отцу.

– Все хорошо, Элли, – сказал он. – Мама просто устала. Она будет нормальной, когда вернется домой.

– Спасибо за братика, – откликнулась я. – Он самый лучший подарок на день рождения, который я могла бы получить.

Его лицо изменилось.

– Конечно, – произнес он тихо. А затем погладил меня по голове. – Тебе сегодня исполнилось девять лет. Как я мог забыть? Прости, Элли. Я скоро перед тобой оправдаюсь.

Глава 8

Джо

Я болтаюсь по парку несколько часов, и уже начался дождь. Я стараюсь держаться под деревьями, но все равно промокла. Когда живешь на улице, нужно беречься. Пневмония зимой убивает. Так что я возвращаюсь в город, держась настороже, и проскальзываю в шикарный торговый центр. Первый отдел, который попадает на глаза, – магазин мобильных телефонов. Отлично. Я захожу туда и делаю вид, что рассматриваю витрины.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – спрашивает молодой парень.

– Да. Мне нужен телефон с предоплатным тарифом.

Конечно, я не могу себе этого позволить, но притворяюсь заинтересованной, пока малый рассказывает о разных моделях. Я стою спиной к двери, ожидая, что с минуты на минуту кто-то войдет и хлопнет меня по плечу. Но никого нет.

– Ага, – говорю я наконец. – Мне надо подумать.

Я слышу, как он бормочет вслед: «Только время зря потратил», когда покидаю салон. Но мне наплевать. Горизонт вроде чист. Возможно, той полицейской уже не до меня, она нашла кого-то другого, до кого можно докопаться. Но я все равно не могу рисковать. Приближается автобус. Я вскакиваю в выходную дверь, хотя у меня нет ни карточки, ни на-

личных для оплаты проезда. Кажется, никто не обращает внимания. Я проезжаю несколько остановок и снова выхожу.

Навстречу идет толпа школьников, лопочущих что-то на иностранном языке, а учителя пытаются призвать их к порядку. Я проталкиваюсь через них, помогая себе локтями. Когда я оказываюсь позади этой компании, оглядываюсь. Никого подозрительного не видать. Я перехожу на бег, проскакиваю через переулок, пересекаю дорогу и останавливаюсь на другой большой улице. Перевожу дыхание. Думаю, сейчас я в безопасности. Но чертовски голодна. Тут я замечаю парня в костюме, который ест чипсы из бумажного пакета, а затем выкидывает оставшуюся половину в урну. Я бросаюсь к ней, но меня опережают. Женщина. Со спины она выглядит шикарно в изящном красном пальто. Но когда оборачивается, я вижу ее лицо – очень тощее, в глазах застыло отчаянное выражение.

– Ладно уж, – произносит она, протягивая мне пакет. – Можешь взять несколько штук.

– Спасибо, – говорю я.

– Не увлекайся! – рывкает она и спешит прочь, прижимая к себе чипсы. Мне хочется плакать от разочарования.

Я снова бреду дальше, роясь в каждом мусорном баке, мимо которого прохожу. Я нахожу раздавленный банан и половинку шоколадного батончика со следами зубов.

Затем я дохожу до большого здания с колоннами и вывеской: «Бристольский городской музей и художественная галерея».

рея. Вход свободный».

Оставив без внимания стенд с просьбой о пожертвовании, я прохожу через два зала и нахожу самый тихий. Сажусь на скамью напротив картины с изображением реки и детей, играющих на берегу. Художник выполнил ее из множества точек вместо сплошных линий. Неплохо. И тут я понимаю, что кто-то стоит надо мной. Мое сердце продолжает безумно колотиться, даже когда я вижу по униформе, что это просто служащая.

– Простите, что беспокою вас, мадам, но мы уже закрываемся.

Это я мадам? Я бы расхохоталась в голос, не будь так напугана.

Я снова на улице. Холодает. Куда теперь? Глупый вопрос. У меня нет вариантов, если я не желаю спать под открытым небом. Я медленно возвращаюсь обратно на темную заброшенную фабрику в Стоукс-Крофт.

Пол уже там.

– Ну как, принесла что-нибудь?

– Извини, – говорю я. – Мне никто ничего не подавал.

Пол качает головой. Он улыбается, но я вижу, что это фальшивая улыбка.

– Ты точно ничего не утаила для себя?

Я принимаю вид: «Да что ты такое говоришь?!»

– Конечно нет.

Он сокрушенно цокает языком, как будто я ребенок, ко-

торый сделал что-то не так.

– Ты должна зарабатывать себе на жизнь, мамаша, а иначе можешь поискать другое место для ночлега.

Моя грудь снова дрожит, как будто в приступе паники. У меня уже бывали такие, в них нет ничего приятного.

– Я постараюсь, – обещаю я.

Возвращаются Пэм и мужчина в костюме. Они тащат пакеты с печеньем, бутербродами, газировкой и бутылкой вина.

– А что насчет денег? – резко спрашивает Пол. – У тебя сегодня день пособия, верно?

Человек в костюме ворчит что-то вроде «последние соки высасываешь, черт», но передает ему немного наличных.

Дама с магазинной тележкой раздобыла кольцо. Идет жаркий спор, настоящий в нем бриллиант или фальшивый.

У парня с зелеными волосами есть швейцарский армейский нож, который он нашел в мусорном контейнере. А еще он принес большую коробку шоколадок «Кит-Кат».

– Их выгружали из фургона, и никто не стерег, – гордо говорит он.

Шикарная Пэм фыркает:

– Терпеть не могу шоколад!

– Нищим выбирать не приходится, – замечает Человек в костюме и хохочет так, словно это самая лучшая шутка на свете.

Вся добыча складывается в «общий котел».

– А как же она? – требовательно вопрошает сосульковоло-
сая хозяйка собаки, указывая на меня. – Что она принесла?

– Пока ничего, – отвечает мой ирландский приятель. –
Дай ей время.

– Но она должна внести свою долю, – ноет парень, кото-
рый был под кайфом, когда я впервые пришла. – Нет смысла
оставлять ее здесь, если она не может заработать.

– Я уже сказал ей это. – Голос Пола угрожающе понизил-
ся. – Все будет.

Мы рассаживаемся вокруг костра, разведенного из дере-
вянных досок.

– Набрал их на территории, – поясняет парень, который
выглядит вполне довольным собой. Я стараюсь придвинуть-
ся поближе, но остальные тоже лезут к огню. Ветер свистит
в разбитых окнах. Я никак не могу унять дрожь от холода.

– Итак, почему ты здесь? – спрашивает Фадума. Она ка-
жется дружелюбней, чем раньше.

– Что?

– Да брось. Мы все на улице не просто так. Видишь, вон
там Хьюго в деловом костюме? Раньше он был агентом по
недвижимости, но потерял все, когда жена обчистила его при
разводе. У него нет родных, у которых можно пожить, так он
и оказался здесь. Так что сделала ты?

– Ничего.

– Значит, кто-то с тобой что-то сделал. – Ее глаза сужают-
ся. – Похоже, ты боишься, Джо.

– Не понимаю, о чем ты.

– Ну да, конечно. Знаешь, мне и самой доводилось бояться. Хлебнула по полной. Я понимаю, что такое страх.

– А что произошло с тобой? – спрашиваю я, пытаюсь изменить тему беседы.

Ее лицо мрачнеет.

– Я подслушала, что мой отец планирует меня продать местным сутенерам. – Она говорит таким тоном, будто в этом нет ничего особенного.

– А твоя мама не пыталась ему помешать?

– Нет. Нужны были наличные, иначе домовладелец вышвырнул бы нас вон.

– В какой же стране ты жила?

– Здесь, естественно. В Бирмингеме, где и родилась. Я выпрыгнула из окна своей спальни. Смогла добраться до Лондона, а в итоге оказалась тут.

Подходит Пол, и она замолкает.

– Не желает ли кто-нибудь калифорнийского красного? – спрашивает Пол. – Это хороший год, – смеется он, делая вид, что изучает этикетку. – Ты молодец, Пэм. Поехали, передавайте по кругу.

На этот раз меня не нужно уговаривать. Я уже замерзла. Один из парней бренчит на гитаре. Зеленоволосый молодой человек и Пэм сплетаются в танце, их лица вплотную друг к другу. Его ладони на ее заднице. Я постепенно расслабляюсь. От выпивки стало намного лучше.

– Давайте потише, а? – произносит Пол. – Иначе нас заметут за пьянство и безобразное поведение, не говоря уж о том, что мы заняли чужое здание.

– Любишь ты обломать, – ворчит молодой человек, все еще шаря руками по телу Пэм.

Мы устраиваемся на ночь. Еще достаточно рано, но Пол говорит, что чем раньше мы ляжем спать, тем раньше сможем встать, чтобы занять лучшие места. Он лежит рядом со мной. От его дыхания исходит сладковатый болезненный запах. Я не употребляю наркотики, но видела ранее, как они с тем парнем-наркоманом сворачивали папиросу.

Следующее, что я осознаю, – это тело на мне. Я не могу дышать от ужаса. Пытаюсь кричать, но рука зажимает мне рот.

– Заткнись. Тогда не будет больно.

Это Пол. Мой ирландский «друг».

– Отвали! – шиплю я.

Он смеется:

– Мне нравится, когда женщины сопротивляются. Никто тебе не поможет, даже если закричишь. Это часть обряда посвящения. Все, кто присоединяется к нашей маленькой команде, имеют удовольствие побыть в моей компании.

Удовольствие? Я вспоминаю другое мужское лицо надо мной, качающееся туда-суда. Я ненавидела это и никак не участвовала в процессе. Просто позволяла ему делать то, что хочет, лишь бы сохранить мир. Но теперь внутри меня будто

что-то рвется.

– Ай!

Я чувствую вкус его отвратительной кожи – там, куда я его укусила, на запястье; но это его не останавливает.

– Дерзкая, люблю таких. Меня всегда тянуло к женщинам постарше.

Его руки прижимают мои к полу. Его вес едва не расплющивает меня. Мне не хватает воздуха. Он кусает мой левый сосок через футболку.

Я высвобождаю ногу и бью его коленом в пах.

– Все, хватит!

Теперь он зол, как и тот, другой мужчина. Я чертовски напугана, но знаю, что если хочу выжить – нельзя показывать страх. Остальные слышат нашу возню, не настолько же они все пьяные. А потом я вспоминаю, что рассказывала мне Фадума. Если кто и поможет – то только она.

– Насилуют! – ору я. – Фадума! На помощь!

Он снова зажимает мой рот ладонью. Я задыхаюсь. Его рука шарит у меня в штанах.

И тут я чувствую вес еще одного тела сверху. Я почти раздавлена. Моя грудная клетка сейчас треснет.

– Ах ты, тупая телка! – рычит Пол. Он уже отвалился от меня и борется с Фадумой, прыгнувшей ему на плечи. Затем они резко раскатываются в стороны. Моя новая подруга тяжело дышит, сжимая в кулаке нож. Пол настороженно наблюдает за ней.

– Я предупреждала тебя в прошлый раз, – шипит она. – Попытаешься снова затеять это дерьмо, и я всажу в тебя нож. Пол улыбается.

– Даже если сядешь потом за убийство? – Он повышает голос: – Кстати. Наша маленькая Фадума пырнула ножом своего отца. Все в курсе?

Она умолчала об этой подробности, рассказывая свою историю.

– Ублюдок заслужил это, – бросает она. – И да, я говорю серьезно. Оставь Джо в покое, или я тебя зарежу. И насрать мне на последствия!

С минуту они пожирают друг друга взглядом, а затем Пол смеется:

– Глупые сучки. Вы того не стоите!

Он вразвалку отходит в свой угол и ложится.

Фадума ведет меня за руку на другую сторону помещения. Нас обеих трясет. Мы смотрим, как Пол ворочается и наконец засыпает. Тогда Фадума вкладывает что-то мне в руку.

– Это билет на поезд, – шепчет она. – Нашла вчера на вокзале. Подумала, что может пригодиться, но похоже, тебе он нужнее, чем мне.

Я стараюсь разобрать мелкий текст в тусклом свете. Мое зрение уже не то, что прежде.

– До какого-то места под названием Пензанс, – поясняет она. Это название, кажется, что-то будоражит во мне, хотя я никогда не слышала его раньше. Но мне все равно нужно

выбраться отсюда. Пензанс звучит неплохо. Название кажется безопасным.

– Ага. А как же ты?

– Не беспокойся. Я смогу о себе позаботиться. Думаю, что мне тоже пора сваливать отсюда.

Затем она тычет меня в бок:

– Ступай прямо сейчас.

Мне не нужно повторять дважды.

Глава 9

Элли

Мы с отцом долго подготавливали дом к приезду моего младшего брата. Это прекрасно – работать вместе без чье-либо вмешательства. Мы снова одна команда. Только папа и я. Я помогла установить маленькую кроватку с голубыми бантами в углу спальни, которая раньше принадлежала моей настоящей матери, а теперь папе и его новой жене. Затем я застелила ее одеялом с изображением Кролика Питера, вышитым бабушкой Гринуэй. Она делала его, пока мы бок о бок сидели на диване и смотрели «Улицу Коронации». Время от времени она громко ахала, если не одобряла поступков кого-то из персонажей. (Здесь, в тюрьме, девушки тоже получают удовольствие от чувства зрительской сопричастности. Многие кричат: «Ах ты, тупая сука!» или «Не доверяй ему!» – пока мы смотрим «Корри» в общем зале после чая.)

Отец выкатил из гаража детскую коляску. Он сказал, что это «Серебряный крест»⁶, хотя в ней не было ничего крестообразного. Ее не полагалось заносить в дом до рождения, так как это считалось плохой приметой.

– Но почему? – спросила я.

– Просто глупые бабушкины сказки, – ответил он.

⁶ «Серебряный крест» – название фирмы-производителя.

«Серебряный крест» занял половину коридора. Я пробовала держаться за ручку и представляла, что толкаю коляску со своим новорожденным братиком. От этого я чувствовала себя совсем взрослой и вместе с тем опасалась. Моя новая мать так разозлилась, когда я чуть не уронила его. В будущем следовало быть осторожней.

Я видела, что отец тоже волнуется.

– Ты должна быть снисходительна к маме, когда она вернется домой, – постоянно твердил он. – Рожать очень утомительно. Люди от этого становятся ужасно нервными.

Он говорил так, словно убеждал самого себя.

Даже бабушка Гринуэй казалась встревоженной.

– Попомни мои слова, – бормотала она, – отныне все будет не так, как прежде.

Такие замечания всегда делались, когда отца не было поблизости, а я слишком боялась повторить их ему – вдруг они окажутся правдой.

На другой день, однако, бабушка выглядела повеселей.

– Вот что, – объявила она. – Помоги-ка мне накрутить волосы.

Я видела раньше, как она делает это за кухонным столом. Необходимый инвентарь – несколько клочков бумаги, ужасно пахнувший белый лосьон и бигуди, которые выглядели как маленькие мохнатые сосиски. Я всегда терялась, если входила в кухню, когда там затевалась эта сложная процедура. Так что возможность присоединиться к священному обряду ка-

залась чем-то из ряда вон выходящим.

– Будешь по одной подавать мне бумажки и папильотки, когда я скажу, – властно провозгласила она.

Отец нас не отвлекал, за исключением одного раза, когда попытался войти, чтобы поставить чайник.

– Не мешай, – проворчала бабушка Гринуэй. – Иди куда-нибудь. Разве не видишь, что твоя дочь делает тут чрезвычайно важную работу?

Ее слова заставили меня раздуться от гордости.

– Прошу прощения, что побеспокоил вас, дамы, – сказал отец, подмигивая. Бабушка подмигнула в ответ, хотя я и не поняла почему. У меня потеплело в груди: я словно снова стала частью счастливой семьи.

Наконец настал день, когда моя новая мать и маленький брат должны были приехать домой. Они бы выписались и раньше, пояснил отец, но возникли какие-то «осложнения». Он произнес это тоном, не предполагающим дальнейших расспросов.

Отец уехал за ними, и вскоре мы с бабушкой Гринуэй встали у окна гостиной, высматривая машину.

– Я помню, как возвращалась с ней из роддома, – пробормотала бабушка. – Мне едва исполнилось восемнадцать. Ничто не предвещало беды. Совсем как сейчас.

И она сжала мою ладонь.

Наконец синий «Форд Кортина» отца показался на доро-

ге. Он остановился возле дома. Папа выскочил и метнулся к задней двери, чтобы ее открыть. Мы с бабушкой Гринуэй прижались носами к окну. От нашего дыхания стекло запотело, и пришлось протирать его, чтобы лучше видеть.

Отец помогал моей новой матери выбраться из машины. Та держала в руках сверток из белого одеяла – очень осторожно, как будто он стеклянный. В моей памяти мелькнула любимая голубая чашка моей настоящей матери, разбившаяся на мелкие осколки. Я вздрогнула.

– Все будет в порядке, – сказала бабушка Гринуэй, обнимая меня рукой за талию. Но я понимала, что она просто пытается меня приободрить.

Дверь открылась.

– Вот мы и дома! – воскликнул отец. В его голосе чувствовалась дрожь, хотя я видела, что он старается казаться веселым. – Мы вернулись!

Я была так взволнована! Хотела поскорей снова увидеть своего младшего братика. Выбежав в холл, я едва не налетела на них.

– Осторожней! – резко сказала моя новая мать.

Отец кивнул.

– Мама права. Дети – они как фарфор, Элли. Очень хрупкие.

Противный холодок снова пробежал по моей спине.

– Давай я помогу тебе сесть на диван, Шейла, – продолжал он. – Тогда Элли сможет устроиться рядом и получше

рассмотреть.

– Только недолго, чтобы она не надышала на него всякими микробами.

– Ради всего святого, прекрати мельтешить! – вмешалась бабушка Гринуэй. – Ребенок ничем от нее не заразится, и в любом случае детям надо укреплять иммунитет.

– Это ты меня так поздравляешь, да, мама?

– Я уже все написала в открытке. Элли, давай посмотрим вместе.

Мы уселись по обе стороны белого свертка. Теперь я рассмотрела его гораздо лучше, чем в больнице. У брата были самые ярко-голубые глаза и самый прелестный розовый ротик, которые я только видела.

– О, – выдохнула я, – он невыносимо прекрасен!

Инстинктивно я погладила его маленькие пальчики. Кожа была такой мягкой!

– Ты вымыла руки? – требовательно спросила моя новая мать.

– Да! – солгала я. Обычно я говорила правду, но мне не хотелось его отпускать. Я ему понравилась! Он забавно кряхтел, совершенно ясно показывая, что рад меня видеть. Мы будем друзьями навеки!

– У него уже есть имя? – спросила бабушка Гринуэй. Судя по дрожи в ее голосе, она тоже была тронута.

– Майкл, – сообщила моя новая мать.

– Разве, дорогая? – заикнулся было отец. – Я думал, мы

уже решили, что...

– Нет. Майкл подходит ему лучше всего.

Старушка издала странный звук. Моя новая мать глянула на нее так, что мне стало не по себе. Они будто вели молчаливый сердитый разговор.

– Майкл, – выдохнула я, продолжая поглаживать маленькие пальчики. – Мне нравится.

– Здесь ужасно холодно, Найджел.

– Я только что растопил камин, дорогая.

– Я же говорила тебе, что нам нужно центральное отопление. Здесь гораздо холоднее, чем в больнице. Вон даже сырость на окнах. Ты ведь не хочешь, чтобы наш сын простудился?

Я знала, что центральное отопление стоит очень дорого. Оно имелось лишь в одном доме на нашей улице. Мы топили углем, как и все ближайшие соседи. Мне очень нравился запах, когда его привозили на грузовике и сваливали в сарай.

– Конечно. Я разберусь с этим немедленно.

– Вот в мое время... – начала бабушка Гринуэй.

– Я ничего не желаю знать о твоем времени, мама. – Моя новая мать поднялась с дивана. – Я живу в своем! И моя главная забота – это здоровье ребенка. А теперь мне надо с ним прилечь. Найджел, помоги подняться по лестнице.

Я тоже вскочила.

– Можно поцеловать его в щечку?

– Не думаю, что это хорошая идея. Как я уже говорила, у

тебя могут быть микробы.

– Шейла. Ты же не считаешь, что... – отец прошептал ей что-то на ухо.

Она нахмурила брови.

– Ну ладно. Но только разок!

Я прижалась губами к щеке брата. Она была такой мягкой. Совсем как бархатное платье, которое мама сшила мне до того, как заболела.

– Я люблю тебя, Майкл! – прошептала я.

Он снова посмотрел на меня ярко-голубыми глазами.

– Я тоже тебя люблю, – казалось, говорил он.

– Нужно сделать кое-что еще, да, Шейла? – напомнил отец.

– Что такое?

– Ты знаешь. – Отец сунул руку в карман. – Тут столько всего навалилось, Элли, что, боюсь, мы пропустили твой день рождения. Вот тебе запоздалый подарок. – Он протянул мне коробку.

– Спасибо! – выдохнула я, с нетерпением ее открывая. Внутри оказался будильник. Я постаралась скрыть разочарование. Я-то надеялась на кулон – у всех девочек в школе они были. Несмотря на это, я обняла отца. И тут же заметила, что моя новая мать с неудовольствием смотрит на меня. Мне следовало поблагодарить ее первой.

– Спасибо! – повторила я ей.

Она кивнула:

– Это для того, чтобы ты могла сама вовремя вставать в школу. Ты уже большая девочка и должна показать нам, что способна вести себя как взрослая. А теперь я пойду прилягу, так что иди и играй тихо. Я не хочу, чтобы ты беспокоила Майкла.

Почему она так преобразилась? Мою новую мать словно подменили в больнице – ложилась туда одна, а возвратилась совершенно другая. Позже днем мы с бабушкой Гринуэй отправились в город по делам.

– У моей дочери просто период чрезмерной заботы, – завила она меня. – Со многими, кто недавно стал матерью, такое случается. Скоро все будет в порядке.

Но я старалась не наступать на трещины в асфальте.

Просто на всякий случай.

Сегодня мой десятый день рождения, но я не получила ни подарков, ни торта. Вместо них у нас холодный рисовый пудинг.

– Мне такое не нравится, – говорю я им. – Меня от него тошнит.

Но они заставляют меня это съесть, и тогда я швыряю тарелку.

– Я вас предупреждала, – говорю я и тут же огребаю еще больше проблем за то, что веду себя «дерзко».

В детском доме холодно, особенно по ночам. Я сплю на двухъярусной кровати. В комнате еще три такие же. Я наверху и постоянно боюсь свалиться.

Я все время думаю о маме. Я не видела ее почти два года. Люди здесь говорят, что не знают, где она, но я им не верю. Что, если отец снова бьет ее?

Так что я открываю окно и вылезаю наружу. До земли высоко, но я спрыгиваю удачно. Я иду по дороге, и рядом со мной тормозит машина. Водитель велит садиться. Он отвозит меня в полицейский участок, и там мне дают шоколадное печенье, когда я говорю про свой день рождения. Потом приезжают люди из детского дома и забирают меня обратно. Это уже не в первый раз.

— Мы тебе говорили, — толкуют они. — Это твое последнее предупреждение. Если ты опять так сделаешь, мы отправим тебя в другое место.

Я плачу, пока не засыпаю.

На следующий день милая улыбчивая пара приходит, чтобы забрать девочку с нижней койки. Они собираются ее удочерить.

— А тебя никто не хочет забирать, — говорит мне воспитательница. — Потому что ты трудный ребенок.

Глава 10

Джо

Сердце колотится, когда я вставляю билет в автомат на станции Бристоль-Темпл-Мидс. Я жду, что зазвенит сигнал тревоги или что кто-то подскочит и спросит, какого черта я тут делаю. Но билет выскальзывает с другой стороны, и я прохожу через барьер, который снова закрывается за спиной. Пензанс ждет меня!

Не поднимая головы, я спешу к последнему вагону. Все места заполнены, кроме одного. Я плюхаюсь туда, но тут же появляется молодая женщина.

– Здесь занято! – говорит она, показывая на торчащий из-под меня лист газеты, оставленной на сиденье.

Простонав, я поднимаюсь, и она усаживается на мое место. Наглая корова.

У меня ноги отваливаются после ходьбы. Мне необходимо присесть.

– Могу я чем-то помочь? – раздается голос позади меня.

У меня замирает сердце. Это звучит похоже на... Я медленно оборачиваюсь.

– Можно взглянуть на ваш билет?

Это железнодорожный контролер! Нервничая, я протягиваю билет. Его брови недоуменно поднимаются. Он смотрит на меня, оглядывая поношенную куртку и грязные кроссов-

ки, а потом опять на билет.

– Первый класс, – говорит он так, будто сам в это не верит. – Это в голове поезда.

– А долго дотуда ехать? – спрашиваю я.

– На этом поезде четыре с половиной часа.

Он не называет меня «мадам», замечая я.

Поезд уже тронулся. Я спотыкаюсь, пока пробираюсь по проходу, и хватаюсь за спинки сидений. Я прохожу мимо ребенка, сидящего на коленях у матери.

– Мама! – говорит он. – Почему у этой тети нет волос?

– Ш-ш-ш. – Женщина крепче прижимает ребенка. – Не лезь к ней. Она пьяная.

Я хочу возразить, что это неправда. Трудно удержаться ровно, когда поезд набирает ход, особенно когда ты далеко не девочка. Но запах вчерашнего вина еще не выветрился из моего дыхания.

Дверь головного вагона открывается медленно, словно не хочет меня впускать. Я осматриваюсь по сторонам. Ого, какие роскошные мягкие кресла! Я сажусь на ближайшее, со столиком. Старикан с седыми волосами сидит напротив, читает книгу. Он поднимает голову и пристально глазает на меня. «Я ведь не чудо-юдо двухголовое, приятель», – хочется мне сказать.

Он принохливается. По выражению его лица понятно, что он не в восторге от моей компании. Я знаю, что от меня пахнет, но ничего не могу с этим поделать. «Я же не могу при-

нять душ», – хочу я объяснить. Он встает и пересаживается в другое кресло через проход.

Он оставил стакан кофе и открытый пакет с сэндвичем. Наполовину съеденным.

– Извините, – говорю я, протягивая руку и трогая его за плечо. Он дергается, как будто я его ударила. – Вы это больше не будете?

Он качает головой. Наверно, думает, что еда теперь грязная оттого, что я на нее подышала.

Я быстро проглатываю сэндвич. С ветчиной и яйцом. Мой любимый. Поскорее, пока сосед не передумал, допиваю кофе, хотя он чересчур сладкий. Вот так-то лучше. Впервые за несколько дней я чувствую себя почти сытой.

Меня клонит в сон под убаюкивающий стук колес. Тут так тепло и уютно. Я стараюсь не закрывать глаза – надо контролировать обстановку вокруг, – но это бесполезно. Я не в силах сопротивляться дремоте.

Хотя и знаю, что это опасно.

Ежевика, или куманика (Rubus fruticosus)

Существует поверье, что может вызывать злых духов. Также считается, что лечит коклюш. Остерегаться собирать после Дня святого Михаила, ибо сказано, что иначе дьявол вас достанет.

Глава 11

Элли

В тюрьме разрешается иметь определенное количество личных вещей (при условии, что они не представляют собой угрозы), но вскоре я сдала свои часы на хранение, потому что постоянно смотрела на них и от этого ожидание становилось еще тягостнее. Я не предполагала, что рассмотрение дела займет столько времени.

Странная штука – когда ты ребенок, то запоминаешь не столько отдельные недели или месяцы, сколько сезоны. К тому времени, как нам установили центральное отопление – нарциссы отцвели, а мой младший брат Майкл уже умел улыбаться и хихикать при виде меня. Когда он научился переводиться – наступило лето, и если я была хорошей девочкой, мне разрешали катать его по саду в коляске, но только пока моя новая мать находилась неподалеку.

Я всегда старалась избегать неровных участков асфальта из-за трещин. Никак не могла избавиться от беспокойства – вдруг с моим младшим братом что-то случится. То же самое я испытывала по отношению к отцу и бабушке Гринуэй, и даже, кажется, к моей новой матери. В конце концов, моя настоящая мама умерла. Что, если смерть заберет и всех остальных, кого я люблю? А Майкл казался особенно уязвимым, потому что был очень маленьким.

Что еще хуже – я не могла отделаться от страха, что нечто плохое может произойти с кем-нибудь из них из-за меня. Я помнила, как расстроила маму, спросив, почему она не может завести еще одного ребенка. Вскоре после этого она заболела. Я не осмеливалась рассказать об этих страхах отцу или бабушке Гринуэй. Просто старалась быть самой лучшей сестрой и дочерью из возможных.

Моя новая мать, к моему восторгу, иногда позволяла немного помочь ей. Больше всего мне нравилось помогать купать маленького Майкла после того, как я возвращалась из школы.

– Смотри, чтобы ему в глаза не попала горячая вода! – говорила она, когда я с большим энтузиазмом намывала его губкой. Потом я поднималась наверх и проводила вечер с бабушкой.

– Правда ведь Майкл прелесть? – постоянно повторяла я. Она фыркала.

– Он совершенно обычный, насколько это можно сказать о ребенке. Это не мой любимый возраст. И имей в виду, они не становятся намного лучше, когда подрастают.

Затем она поджимала губы и устремляла взгляд в телевизор.

– Ха! – комментировала она иногда. – Вот возьми хотя бы эту группу «Абба». Шведы, что ли. Совсем не та музыка, что в мое время!

Когда листья на деревьях стали золотыми, это произошло

– Майкл пополз. Он был такой быстрый!

– Взгляни только, как резво он может перебраться с одной стороны комнаты на другую! – говорила я бабушке Гринуэй.

Теперь иногда нам обоим разрешалось присматривать за ним, пока моя новая мать готовит ужин.

– Не спускайте с него глаз ни на секунду, поняли? – говорила она нам. И мы не спускали.

Но однажды, когда я пыталась делать домашнее задание на деление столбиком, из кухни донесся крик:

– Помогите, кто-нибудь!

Я помчалась туда. Майкл издавал странные звуки. Его лицо покраснело.

– Я не знаю, что с ним! – кричала моя новая мать. Она была бледной и держала его на руках перед собой. – Что делать?

Я быстро выхватила его, положила себе на колени и хлопала по спинке. Но ничего не произошло.

– Он умирает, он умирает!

– Нет, он не умрет! – крикнула я в ответ. Я не позволила бы.

Я снова постучала его по спине, на этот раз всей ладонью, а не тремя пальцами. Он кашлянул, и из его рта вылетел маленький черный комочек.

Изюм.

Она пекла булочки. Должно быть, оттуда он и попал в горло Майкла.

Лицо братишки мгновенно обрело привычный цвет.

– С тобой все хорошо, все хорошо, – причитала моя новая мать, забрав его у меня и прижимая к себе. Майкл все еще широко раскрывал глаза от ужаса. – Откуда ты знала, что нужно делать?

Вот теперь, когда мой маленький брат был в безопасности, меня затрясло.

– Я санитарка в скаутском отряде, – пролепетала я.

Шейла расплакалась.

– Спасибо тебе. – Она высморкалась. – Наверно, изюм упал на пол. Тут нет моей вины.

Она выжидающе посмотрела на меня, будто думала, что я не соглашусь. Я промолчала. Так было проще.

В тот вечер, когда отец возвратился домой, он крепко и от души обнял меня.

– Сегодня ты спасла брату жизнь, – сказал он. – Мы очень гордимся тобой.

Когда после чая я поднялась в гостиную бабушки Грину-эй, то ожидала, что она тоже поздравит меня. Однако она даже не упоминала об этом, пока я не собралась спать.

– Ты сегодня совершила хороший поступок, дорогая. Но подобных случаев станет больше. Попомни мои слова.

Мне не хотелось выяснять у отца, что имела в виду старушка. У него все равно по вечерам оставалось не слишком много времени на меня. Когда входил в дом, он первым делом всегда целовал в щеку мою новую мать и спрашивал, все

ли с ней «в порядке». Потом баюкал Майкла на руках, глядя на него так, словно не мог поверить, что тот действительно существует.

– Мой сын, – повторял он без конца. – Мой сын.

В последнюю очередь он мог взерошить мне волосы и спросить, как у меня прошел день и была ли я «хорошей девочкой».

– Да, папочка, – отвечала я, вспоминая о домашнем задании, которое закончила перед чаем, и о том, как помогала своей новой матери купать Майкла; проверяла, что он достаточно сухой, прежде чем мы одели его в мягкую голубую пижаму, пахнущую детским стиральным порошком. А затем мы сидели с братишкой рядом, и я заводила ключом свою музыкальную шкатулку. Ему нравилось хлопать под музыку в свои маленькие пухлые ладошки с ямочками.

Позже, после происшествия, люди, присматривающие за мной, спрашивали: ревновала ли я. Правда в том, что ни-сколько. Я очень сильно любила Майкла, до боли в груди. Я бы сделала ради него что угодно. По сути, я теперь ходила за ним по пятам, чтобы быть уверенной – он больше не подберет изюм или что-то другое, чем можно подавиться. В скаутском отряде мне вручили нашивку на форму, когда узнали, что я спасла младшего брата. Я носила ее с гордостью.

– Она заслуживает того, чтобы быть его матерью, – а не ты, – сказала бабушка Гринуэй жене моего отца, когда я кор-

мила Майкла завтраком. Он сидел на высоком стульчике, а мачеха подпиливала ногти за кухонным столом. – Малец мог бы помереть, если бы не Элли. Я уже говорила тебе раньше. Тебе надо обратиться к доктору насчет...

– Прекрати свои глупые бредни сейчас же! – перебила Шейла. На ее щеках появились два розовых пятна, как всегда, когда она злилась. – Ты сама не понимаешь, что говоришь, мама!

И она продолжила подпиливать ногти. Моя новая мать не желала, чтобы кто-то другой прикасался к моему младшему брату в первые дни. Но с того случая, как он чуть не задохнулся, она была более чем счастлива, когда я присматривала за ним.

– Она потеряла свою исключительность, – мрачно сказала как-то бабушка Гринуэй. – Теперь, если что-то произойдет, сможет обвинить кого-то другого.

Мой десятый день рождения прошел без особой суеты.

– Я слишком занята, чтобы устраивать ей вечеринку, – услышала я однажды вечером фразу своей новой матери, адресованную отцу. Это несправедливо! Я стану единственной в классе, у кого не будет праздника! Почему отец не заступился за меня и не настоял? Но у меня по крайней мере оставался Майкл. Он был лучшим подарком на свете.

К тому времени, как снова появились нарциссы, мой младший брат начал ходить. Это означало, что я ни на минуту не могла отвести от него взгляд. Он перебирался от одного

предмета мебели до другого, часто падая и ушибая колени. А потом громко плакал, и жена моего отца, которая обычно «пыталась немного отдохнуть», тут же прибегала.

– Что ты с ним сделала?

– Ничего.

– Не смейся меня, Шейла, – говорила бабушка Гринуэй. – Дети всегда падают в таком возрасте. Если бы ты тоже иногда за ним следила, вместо того чтобы постоянно спать, – ты бы это понимала.

– Замолчи, мама! Перестань меня все время критиковать, а иначе можешь уйти и жить в другом месте.

Нет! Я не могла потерять и бабушку! Мы с миссис Гринуэй соглашались – спорить не имело смысла. Нам оставалось лишь сидеть тихо и ждать, пока уляжется гнев Шейлы.

Однако – и я знаю, что это прозвучит ужасно, – временами я задумывалась, насколько проще шла бы жизнь, если бы моей новой матери не существовало, а здесь были бы только я, папа, Майкл и бабушка Гринуэй...

Та женщина в детском доме говорила правду. Никто не хотел меня удочерять. Когда я снова попыталась убежать, меня отправили в заведение более жесткого режима. С решетками на окнах. Там мы тоже учились, но я не уделяла занятиям большого внимания. Все, чего я хотела, – поскорее вырасти и выбраться оттуда. И вот наконец мне восемнадцать! Я могу жить в хостеле. Делать то, что нравится, –

и никто не будет указывать мне, что именно. Я устраиваюсь на работу в супермаркет, и это очень здорово, потому что смогу получать скидку на еду. Но самое классное – девушки, с которыми я вместе работаю, по-настоящему дружелюбны.

– Пойдешь с нами в клуб в эту пятницу? – спрашивают они.

Я не говорю им, что никогда раньше не была в клубе. Они начнут задавать вопросы, а я не хочу рассказывать, что большую часть жизни провела на попечении. Так что я спускаю свое жалованье на блестящее платье и туфли с высокой «платформой».

– Ого, как ты принарядилась! – говорит одна, и мне становится неловко, потому что все они просто в джинсах.

Когда мы приходим в клуб, музыка так гремит, что я не слышу, о чем говорят мои подруги. Затем они растворяются в танцующей толпе, и я чувствую себя глупо. Может, лучше пойти домой. А потом ко мне подходит этот тип. Он выглядит старше, чем большинство здесьних парней, но, возможно, потому, что носит бороду и крупный, хотя и не толстый. У него на шее золотая цепь, и одет он тоже шикарно, ботинки сверкают под клубными огнями.

– Могу я угостить тебя? – предлагает он.

Я не говорю ему, что не особо люблю алкоголь, поскольку за это по-настоящему попадает, когда тебя застукают с выпивкой в детском доме. Просто прошу взять джин с то-

ником — мы его много продаем в супермаркете. Он приносит мне порцию, которую называет «двойной». Когда начинается последняя песня, он прижимает меня к себе и целует. Мой первый настоящий поцелуй! Некоторые из мальчиков в детдоме пытались, но мне они не нравились. На этот раз все иначе. Я чувствую всем нутром — это мужчина, а не мальчик. Меня это пугает и возбуждает.

— Меня зовут Барри, — наконец представляется он, когда ведет меня за руку прочь с танцпола.

Барри. Я верчу это имя на языке. Оно звучит дружелюбно.

— Хочешь, поедem ко мне домой? — непринужденным тоном спрашивает он.

— Хорошо, — отвечаю я, стараясь говорить спокойно. Джисн с тоником дает приятное чувство отстраненности.

Он живет в отдельной квартире. Мне интересно, как он может позволить себе такую аренду, но затем он сообщает, что работает электриком и «зашибает хорошие деньги». Мое сердце стучит очень быстро, когда он меня раздевает. Это очень лестно, что он хочет такую, как я, — которая ничего из себя не представляет.

— Откуда у тебя ишрамы? — интересуется он, когда снимает с меня лифчик и видит отметины на спине.

— А, папаша постарался, — отвечаю я так, будто это не имеет значения. — Давным-давно, когда я была еще ребенком.

Его глаза сужаются. Меня охватывает страх.

– Он до сих пор тебя обижает?

Я отрицательно трясую головой:

– Я не видела его уже много лет.

– Ну, если я когда-нибудь его встречу, он получит все, что заслужил.

Затем он гладит меня по груди. У него крупные руки. Умелые, будто они способны на все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.